АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
имени академика Н. Я. МАРРА
СЕКТОР СРЕДНЕЙ АЗИИ

ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА

I

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. В. А. КРАЧКОВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

ОТ РЕДАКЦИИ

Многие вопросы в истории древних и средневековых восточных племен и народов, населявших СССР или соприкасавшихся с его населением в давние времена, еще не выяснены. Только привлечение эпиграфических памятников, рукописей, документов иногда позволяет разрешить затруднения, а часто освещает совершенно неведомые, забытые детали прошлого и ставит перед исследователями новые проблемы.

Эпиграфические материалы в СССР отличаются чрезвычайным разнообразием групп восточных языков, различающихся также и по шрифту: в них представлены клинопись, иероглифика и рунические письмена, семитическая письменность (древнееврейский, арамейский, сирийский, арабский языки), иранская (древнеперсидский, среднеперсидский, новоперсидский, согдийский), кавказская группа (главным образом грузинский и армянский), тюркская и др. Полнота научного освещения всех этих важных материалов возможна, конечно, только при систематическом внимании к истории народов Востока без ограничения географическими и хронологическими рамками.

Изучение и издание восточных надписей началось в России с XVIII в. и поддерживалось Академией Наук на большой высоте. Количество восточных надписей, опубликованных в русских изданиях за XVIII—XIX вв., далеко отставало, однако, от действительных потребностей того времени. Еще слабее, несмотря на повторные компетентные указания, была поставлена фиксация, т. е. воспроизведение обнаруженных надписей, о которых сообщали путешественники и исследователи. Многие ценные памятники восточной письменности исчезли бесследно. Публикации XIX в. печатались, кроме С.-Петербурга, в различных центрах русского государства, в отдельных сериях или монографиях, а потому трудно обозримы.

В XX в. положение улучшилось, но отнюдь не достигло высшего уровня научных требований в качественном и количественном отношениях. Фотографирование и эстампирование, которые прочно закрепляют изображение надписей, проводились и проводятся теперь не с исчерпывающей полнотой; между тем, выветривание, осадки, случайные и умышленные повреждения ведут к уничтожению памятников. Встречаются публикации без критического анализа искажение и недопустимое оформление текстов в печати. Издание восточных

надписей только в русском переводе, без шрифта оригинала и без транскрипции, даже если это обусловлено техническими причинами, ставит препятствия для работы над текстами всем заинтересованным представителям науки: эпиграфистам, историкам, палеографам, языковедам.

В настоящее время необходимо объединить и ускорить публикацию надписей на восточных языках, обеспечив высшее качество издания. Сборник „Эпиграфика Востока" ставит несколько целей: 1) критическое издание и переиздание надписей на восточных языках, без различия материала; 2) краткие информации о находках памятников восточной письменности и о новых эпиграфических материалах; 3) библиографические заметки, посвященные литературе по эпиграфике и восточной письменности; 4) систематический пересмотр наследия, оставленного предшествующими поколениями в архивных фондах, фототеках. Эти источники, несомненно, будут полезны, так как в отдельных случаях только из них можно получить представление о надписях, сохранность которых ухудшилась, оригиналы погибли или нам недоступны.

Институт истории материальной культуры им. академика Н. Я. Марра Академии Наук СССР возложил опубликование сборника „Эпиграфика Востока" на Сектор Средней Азии Ленинградского отделения Института истории материальной культуры; руководителю Сектора чл.-кор. АН СССР А. Ю. Якубовскому принадлежит инициатива издания. По диапазону открытых письмен как в отношении языков и культур, так и по количеству ныне существующих памятников Средняя Азия занимает одно из первых мест в Советском Союзе. Прогресс археологических разведок, раскопок и обследований памятников по всей территории СССР, при постоянном участии сотрудников Академии Наук СССР, открывает широкие перспективы на будущее время. Руководящая роль Сектора Средней Азии Ленинградского отделения Института истории материальной культуры обоснована исторически, так как ЛО ИИМК поддерживает традиции эпиграфических публикаций Археографической комиссии, а типография Академии Наук в Ленинграде обладает единственной по своей полноте во всем Союзе полиграфической базой для издания текстов на восточных языках. Это позволяет дать печатный текст в шрифте оригинала с русской и латинской научной транскрипцией и адэкватное его воспроизведение.

Выпуская в свет первый сборник „Эпиграфика Востока", Редакция выражает надежду, что высококвалифицированные эпиграфисты в составе Академии Наук СССР, ее филиалов и из числа сотрудников академий союзных республик и их учреждений поддержат издание и не откажутся принять в нем посильное участие.

М. М. ДЬЯКОНОВ

ОБ ОДНОЙ РАННЕЙ АРАБСКОЙ НАДПИСИ

От времени халифата Омейядов до нас дошло очень мало памятников эпиграфики. Наиболее многочисленной, но специфической группой эпиграфических памятников являются монеты, известные с царствования халифа ʿАбдалмелика ибн Мервāна (65—85 годы хиджры = 685—705 годы н. э.).[1]

В чрезвычайно тщательно и скрупулезно составленном издании „Répertoire chronologique d'épigraphie arabe", под редакцией É. Combe, J. Sauvaget et G. Wiet (том первый, Каир, 1931), зарегистрировано всего 35 надписей омейядского времени (№№ 4 бис—37), причем многие из них весьма фрагментарны, лишены дат, а порою известны только по сообщениям видевших их путешественников.[2]

Гораздо богаче представлены памятники палеографические: ранние кораны, папирусы из Египта, начиная со времени завоевания его арабами.[3] На территории СССР, в Таджикистане, при раскопках на горе Муг, был найден замечательный документ на коже, относящийся к омейядскому времени.[4]

Но число надписей омейядского времени на предметах художественного ремесла весьма ограничено. До сих пор были известны:

1. Небесная сфера из меди, принадлежавшая омейядскому царевичу Халиду ибн Язиду (без даты, не позднее 85 г. х.).[5]
2. Бронзовое зеркало 111 г. х.[6]
3. Весы Луврского музея 124 г. х.[7]
4. Глиняная лампа из Джераша 125 г. х.[8]
5. Глиняная лампа из Джераша 125 г. х.[9]

---

[1] Catalogue of Oriental Coins in the British Museum, vol. I, 1875, pp. 1—33.

[2] Répertoire chronologique d'épigraphie arabe, I, p. 5—29. — В дополнение к надписям, опубликованным в „Répertoire": E. Schlumberger. Syria, XX, fasc. 4, 1939, p. 372 sq.

[3] B. Moritz, EI, I, 388—389.

[4] В. А. и И. Ю. Крачковские. Древнейший арабский документ из Средней Азии. Согдийский сборник, Изд. АН СССР, 1934, стр. 52—90.

[5] Répertoire... № 13.

[6] Répertoire... № 29.

[7] Répertoire... № 31.

[8] Répertoire... № 33.

[9] Répertoire... № 34.

6. Глиняная лампа из Джераша 129 г. х.[1]

7. Фрагмент шелковой ткани с именем последнего омейядского халифа Мервāна II (без даты, не позже 132 г. х.).[2]

Таким образом, из вышеизложенного ясно, что находка каждого нового памятника, несущего на себе надпись времени Омейядов, представляет совершенно исключительный интерес. Для изучения памятников художественного ремесла это особенно важно, так как в наших музеях имеется немало памятников, относимых к послесасанидскому времени без дальнейшего уточнения, а документированные памятники омейядского времени отсутствуют.

В 1939 г. в Эрмитаж поступил интереснейший образчик художественного ремесла: бронзовая фигура орла, несущая на себе надпись с весьма ранней датой (105 г. х.).[3] В другом месте я буду иметь возможность вернуться к этому замечательному произведению искусства и к надписи на нем. Сейчас же мне хочется остановить внимание специалистов на одном еще более древнем памятнике времени Омейядов.

В 1935 г. на выставку, организованную Эрмитажем в связи с III Международным конгрессом по иранскому искусству и археологии, прибыл из Государственного Музея Грузии (Тбилиси) большой бронзовый кувшин с ребристым туловом яйцевидной формы на ножке в виде усеченного конуса, с высоким горлышком и ручкой, заканчивающейся великолепной пальметкой (рис. 1). На тулове гравирован тончайший орнамент в виде растительных побегов, а на отогнутом венчике горла имеется круговая надпись, которая и составляет предмет настоящей статьи.

Уже в 1935 г., при предварительном осмотре кувшина перед помещением его на выставку, Л. Т. Гюзальян и автор этих строк обратили внимание на весьма архаичный характер надписи и весьма раннюю дату, которая, как казалось, могла быть в ней прочитана. Внимательное изучение надписи подтвердило первоначальные предположения.

Надпись, в технике неглубокой гравировки (рис. 2 и 3), идет по кругу и втиснута между двумя орнаментальными точечными линиями. Эта сдавленность надписи способствовала укорочению длинных букв, таких как ا и ل. Весь характер надписи весьма архаичен, почерк — так называемый простой куфи — мало разработан, угловат. Характер размещения надписи на предмете, техника ее выполнения — говорят, как мне кажется, о безусловной одновременности надписи с изготовлением самого предмета. Всего в надписи сорок одна буква. Рис. 4 дает представление об их форме. Очень архаичные буквы

[1] Répertoire... № 35.

[2] Répertoire... № 36.

[3] А. Н. Генко. Из культурного прошлого ингушей, ЗКВ, 1930, V, стр. 708—709 (где чтение надписи, данное акад. И. Ю. Крачковским, и указания на более раннюю литературу). См. также: М. М. Дьяконов. Бронзовый водолей 1206 г. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии (Ленинград, 1935), Доклады, М. — Л., 1939, стр. 46. Там же осторожное высказывание о ранней дате рассматриваемого здесь кувшина. См. еще: Р. Кесати. Бронзовая фигура орла. Сообщения Государственного Эрмитажа, I, 1940, стр. 12—13.

Рис. 1. Бронзовый кувшин 69/688—689 г.

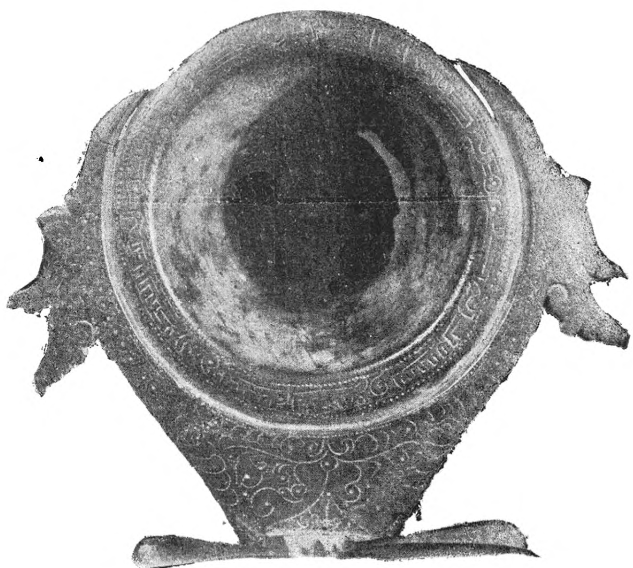

Рис. 2. Венчик бронзового кувшина 69/688—689 г.

не имеют близких аналогий с известными нам надписями на предметах художественного ремесла. Наиболее близкой аналогией являются, пожалуй, легенды на омейядских монетах. В надписи двенадцать слов. Разберем надпись слово за словом.

Первое и второе слова дают обычную в строительных надписях и в надписях на изделиях художественного ремесла формулу: مما عُمِل 'вот что сделано'. Однако форма последней буквы второго слова позволяет читать ее и как ر, тогда это слово будет عمر, весьма редко встречающееся в подобных формулах, где обычно бывает или مما امر 'вот что приказал [сделать]', или مما عُمل 'вот что сделано'. Однако в надписи на эрмитажном орле читается именно это слово, которое академик И. Ю. Крачковский понимал, как عمّر, во второй породе с понудительным значением.[1]

Рис. 3. Надпись венчика бронзового кувшина 69/688—689 г.

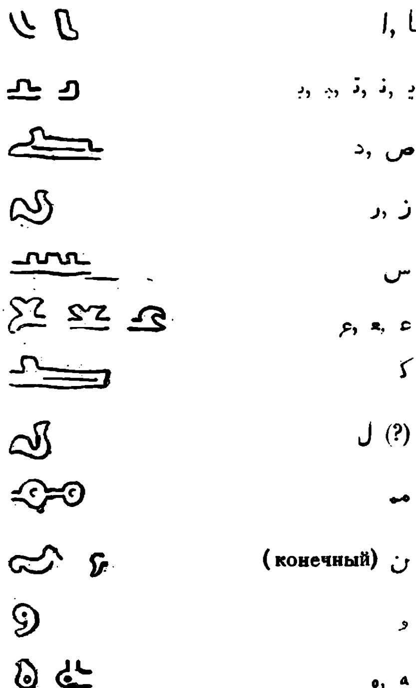

Рис. 4. Шрифт надписи бронзового кувшина 69/688—689 г.

Третье слово как будто не вызывает сомнений: بالبصرة 'в Басре'. Указание на место производства вообще на предметах художественного ремесла встречается редко. Тем более интересно указание на Басру, новый арабский город, основанный в 14/635 г. и, вместе с Куфой, являвшийся в омейядское время одним из важнейших опорных пунктов арабской власти в Месопотамии

---

[1] ЗКВ, V, 1930, стр. 708.

Вподне естественно, что Басра стала также и центром художественного ремесла.[1]

Чтение четвертого слова бесспорно: سنة.

Пятое слово я склонен был читать сначала как سبع 'семь'. Некоторая изолированность первой палочки слова, как будто, заставляет все же предпочесть чтение تسع 'девять'. Нужно сказать, что оба чтения возможны.

Шестым словом является союз و.

Седьмое слово должно читаться как ستين 'шестьдесят', хотя оно несколько небрежно написано, последние две буквы ين очень тесно прижаты друг к другу, что следует, как видно, объяснить недостаточной опытностью гравера.

Слова с восьмого по десятое составляют одну фразу, читаемую мною как: برکه من صنعه 'благословит [бог] того, кто это сделал'. Однако такое предложение не безупречно с точки зрения арабской грамматики. Лучше было бы: برکة لمن صنعه 'благословение тому, кто это сделал'.

Одиннадцатое слово хотелось бы читать ابی, однако здесь нет оснований для косвенного падежа, поэтому я предпочитаю чтение: ابن, хотя последняя буква более похожа на ی, чем на ن.

Последнее слово — имя يزيد 'Язӣд', весьма популярное в омейядскую эпоху.

Таким образом полностью надпись читается так:

مما عُمِلَ بالبصرة سنة تسع و ستين برکه من صنعه ابن يزيد

'Вот что сделано в Басре, в год шестьдесят девятый. Да благословит [бог] того, кто сделал это. Ибн Язӣд'.

Возникает вопрос, кто же такой Ибн Язӣд. Заказчик или мастер? Поскольку имя Язӣд было распространено в это время, главным образом, среди арабской аристократии, а ремесленник, сделавший эту вещь вряд ли был арабом, то мне думается, что это имя заказчика, какого-нибудь представителя арабской военной знати.

Эта надпись, датированная шестьдесят девятым годом хиджры = 69/688—689 г. (возможно, что даже 67/686—687 г.), является самой ранней из известных нам арабских надписей на изделиях художественного ремесла и оказывается старше самых ранних омейядских монет 'Абдалмелика ибн Мервāна.

---

[1] Richard Ettinghausen. An Early Islamic Glass-making Center, Record of the Museum of History, Princeton University, vol. I, № 2, pp. 4—7, где говорится о Басре, как о важном центре производства стекла и керамики. В этой же статье Эттингхаузен упоминает и рассматриваемый нами кувшин, который он видел в Ленинграде во время III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. Он пишет: „The history of Basran craftsmanship goes back to an early period, as is shown by an imposing bronze ewer of the year 686 A. D. (sic! *M. D.*) made by a certain Abu Jazid in Basra" (цит. соч., стр. 7).

В. А. КРАЧКОВСКАЯ

НАДПИСЬ БРОНЗОВОГО ТАЗА БАДР АД-ДӢНА ЛӮЛӮ[1]

Одним из важнейших образцов металлических изделий мусульманского периода из собрания Музея искусств Украинской Академии наук можно считать бронзовый таз № 1036, находящийся в Государственном Эрмитаже. Он заслуживает такой оценки не только в силу художественной тонкости украшающей его гравировки и некогда богатой, теперь сильно пострадавшей инкрустации серебром. Ему обеспечено крупное место среди датируемых бронз, так как на нем имеется надпись перворазрядного интереса.[2]

По борту таза идет сплошным кольцом непрерывная надпись почерком насх̱ӣ довольно хорошей сохранности, но все же наиболее существенные для чтения нижние части букв кое-где стерты; кроме того, выпала инкрустация и есть разрыв металла, схваченный заклепками (рис. 1—3). Два других концентрических пояса плетеным кӯфӣ расположены внутри таза на дне и на переходе ото дна к стенке. На срезе края таза сохранилась часть небольшой надписи курсивным почерком.

Первый текст наиболее важен. Он содержит восхваления, пышные эпитеты и титулы Бадр ад-дӣна Лӯлӯ, сына ʻАбдаллаха. Приводим полностью его арабскую редакцию, латинскую транскрипцию и перевод на русский язык.[3]

---

[1] Настоящей теме был посвящен доклад автора под заглавием „Новая надпись Бадр ад-дӣна Лӯлӯ“ в кружке арабистов 10 июня 1929 г. Так как не-эпиграфическая декорация таза послужила предметом статьи М. И. Вязьмитиной, написанной в том же году, то здесь внимание сосредоточено исключительно на эпиграфике. В настоящую редакцию внесен ряд дополнений, но они не затрагивают неизданного текста на основании бронзового подсвечника с именем Лӯлӯ в Государственном Эрмитаже, издание которого подготовляет Л. Т. Гювальян (см. Каталог международн. выставки памятников иранского искусства..., стр. 407, зал 227, № XXXI, 3).

[2] Краткое описание и изображение таза см.: М. Вязьмітіна. Мистецтво країн исляму. Музей мистецтва Всеукраїнської Академії наук. Каталог, Київ, 1930, стр. 73, № 398, табл. XIII. — Текст в латинской транскрипции и украинском переводе см.: В. Крачковська. Матеріяли з епіграфіки мусульманських збирок Музею мистецтв ВУАН, ibid., стр. 115. Издание цитировано у: G. Wiet. Catalogue Général du Musée Arabe du Caire. Objets en cuivre. Le Caire: 1932, стр. 273, добавление к стр. 181 № 76 A. — E. Kühnel. Zwei Mosulbronzen und ihr Meister. Jahrbuch der Preussischen Kunstsammlungen, B. LX, H. 1, Berlin 1939, стр. 11, прим. 5. См также: Каталог международной выставки памятников иранского искусства и археологии. Государственный Эрмитаж, вып. 1, стр. 425, зал 227, № LI.

[3] Арабские цифры в скобках, сопровождающие арабский текст и перевод, указывают на соответствующий данному выражению номер в списке параллелей и вариантов в конце статьи.

عزّ لمولانا السلطان الملك الرحيم(1) العالم العادل المؤيّد المظفّر المنصور المجاهد المرابط(2) بدر الدنيا والدين(3) عضد الاسلام والمسلمين(4) محيى العدل فى العالمين(5) ابو (sic!) اليتاما والمساكين(6) ظهير السلاطين(7) مظهر الحقّ بالبراهين(8) قاهر المتمرّدين(9) قامع الكفرة والمشركين(10) المتفرّد بالفضل فى العالمين(11) صفى الخلافة(12) عماد الملك(13) قاتل المحل(?)(14) نصير المجاهدين(15) القائم باوامر الدين(16) اوحد العصر(17) نادرة الفلك(18) انوشروان العصر بين الانام(19) ناصر المظلوم من الظالمين(20) ظهير الامام(21) مجير الانام(22) ناصر الملّة(23) شرف الحضرتين(24) ابى المنائح مصدّق المدائح(25) معطى البدر(26) حامى الثغور بالطعن فى الثغر(27) ابو (sic!) الفضائل لولو بن عبد الله(28) حسام امير المؤمنين(29)

'Izz li-mawlānā as-sulṭān al-Malik ar-Raḥīm al-ʿālim al-ʿādil al-mu'ajjad al-muẓaffar al-manṣūr al-muǧāhid al-murābiṭ Badr ad-dunjā wa-d-dīn ʿaḍud al-islām wa-l-muslimīn muḥjī l-ʿadl fī l-ʿālamīn abū (sic!) l-jatāmā wa-l-masākīn ẓahīr as-salāṭīn muẓhir al-ḥakk bi-l-barāhīn ḳāhir al-mutamarridīn ḳāmiʿ al-kafara wa-l-mušrikīn al-mutafarrad bi-l-faḍl fī l-ʿālamīn ṣafī al-ḫilāfati ʿimād al-mulk ḳātil al-mhl(?) naṣīr al-muǧāhidīn al-ḳā'im bi-'awāmir ad-dīn 'awḥad al- ʿaṣr nādirat al-falak Anūširwān al-ʿaṣr bajn al-'anām nāṣir al-maẓlūm min aẓ-ẓālimīn ẓahīr al-'imām muǧīr al-'anām nāṣir al-milla šaraf al-ḥaḍratajn abī l-manā'iḥ muṣaddiḳ al-madā'iḥ muʿṭī al-bidar ḥāmī t-ṯuǧūr bi-ṭ-ṭaʿn fī-t-ṯaǧr 'Abū (sic!) l-Faḍā'il Lūlū ibn ʿAbd Allah ḥusām 'amīr al-mu'minīn.

'Слава господину нашему султану царю милосердному,(1) ученому, справедливому, поддержанному, победоносному, побеждающему, борцу за веру, охранителю границ,(2) Бадру ад-дунья ва-д-дӣн,(3) опоре ислама и мусульман,(4) оживителю справедливости во вселенной,(5) отцу сирот и бедняков,(6) помощнику султанов,(7) обнаруживающему истину доказательствами,(8) победителю восставших,(9) покорителю неверных и язычников,(10) единственному по достоинству во вселенной,(11) другу халифата,(12) опоре царства,(13) уничтожителю засухи(?),(14) помощнику борцов за веру,(15) стоящему на страже за предписаниями религии,(16) единственному в эпоху,(17) диковине под небесами,(18) Анӯширвану времени среди людей,(19) защитнику угнетенного от притеснителей,(20) помощнику имама,(21) покровителю людей,(22) защитнику веры,(23) славе двух столиц,(24) отцу даров, подтверждающему истину похвал,(25) раздающему большие суммы,(26) защитнику границ ударами копья в лицо,(27) отцу добродетелей Лӯлӯ сыну ʿАбдаллаха,(28) мечу амира правоверных(29)'.

Упомянутый в этой надписи Бадр ад-дӣн Лӯлӯ был рабом и вазиром последних мосульских Зенгидов. Он состоял опекуном (اتابك)[1] сперва ʿИзз ад-дӣна Масʿӯда II, потом малолетних Арслāн Шāха II и Нāçир ад-дӣна Махмӯда, управляя от их имени. По прекращении рода Зенгидов, Лӯлӯ стал независимым в 631/1233 г. Новое положение отразилось на его титуле:

[1] О значении титула атāбег см.: M. van Berchem. Monuments et inscriptions de l'atābek Lu'lu' de Mossul. Orientalische Studien, Giessen, 1906, I, стр. 200, прим. 7. Эта работа в дальнейшем цитируется сокращенно: M. v. Berchem. Monuments et inscriptions. — Он же. Amida. Matériaux pour l'épigraphie et l'histoire musulmanes du Dijarbekr. Heidelberg, 1910, стр. 123. Эта работа цитируется сокращенно: Amida; сопровождающий цитату номер означает цитируемую надпись.

Рис. 1. Надпись бронзового таза Бадр ад-дӣна Лӯлӯ. Отрезки 1—3.

Рис. 2. Надпись бронзового таза Бадр ад-дйна Лўлў. Отрезки 4—6.

он именуется с этих пор السلطان الملك الرحيم 'султан царь милосердный' и оставляет в 657/1259 г. правление своему сыну.[1] Этими датами можно руководиться в общих чертах для датировки таза.

Опубликованы еще несколько бронз с именем Лӯлӯ, в том числе цилиндрическая коробка в Британском музее,[2] и блюдо Мюнхенской библиотеки.[3] Текст последнего изучали различные специалисты, между прочим M. Sobernheim[4] и M. van Berchem почти одновременно. M. Sobernheim внес поправки в неверное чтение M. Lanci, сопоставил титулатуру мюнхенского блюда с монументальной надписью основателя династии Зенгидов 'Имāд ад-дӣна Зенгӣ I в Баальбеке и нашел между ними большое сходство.

В цитируемой работе M. v. Berchem поставил свою задачу гораздо шире: в ней привлечен ряд монументальных надписей Лӯлӯ,[5] частью сильно фрагментированных; он сличает их с текстом мюнхенского блюда и еще одного, находившегося в то время у антиквара в Париже. Хотя известно, что основной фонд коллекции Музея искусств Украинской Академии наук, в бытность его Музеем Ханенко, нередко пополнялся покупками именно в Париже,[6] и киевский таз мог быть куплен там, однако тексты эти расходятся; поэтому киевский таз ни в коем случае нельзя отожествлять с неизвестным блюдом в Париже. В списке датированных бронз с именем Лӯлӯ G. Wiet указано блюдо Музея Виктории и Альберта в Лондоне со ссылкой на текст его у M. v. Berchem в упомянутой работе; таким образом „неизвестное“ блюдо находится в настоящее время в Лондоне.[7]

Полное издание мюнхенского блюда последовало в 1907 г. в совместной работе Fr. Sarre и M. v. Berchem,[8] но новых эпиграфических данных там нет.

---

[1] Биографические данные о Бадр ад-дӣне Лӯлӯ см.: M. v. Berchem. Monuments et inscriptions; Enzyklopaedie des Islam, т. III, стр. 43—44, s. v. Lu'lu'; Ст. Лен-Пуль. Мусульманские династии, перев. В. Бартольда, стр. 136.

[2] Ее изображение см.: G. Migeon. Manuel d'art musulman. Les arts plastiques et industriels. 2 éd., Paris, 1927, т. II, стр. 50, рис. 237. — Библиография о ней указана у G. Wiet, op. cit., стр. 79, 6; Appendice, стр. 180, № 74.

[3] G. Migeon, op. cit., рис. 238. — G. Wiet, op. cit., стр. 70,3°; Appendice, стр. 180—181, № 76. — E. Kühnel, op. cit., стр. 10, № 10.

[4] См.: Arabische Gefässinschriften von der Ausstellung in Paris. Zeitschrift des Deutsch. Palästina Vereins, XXVIII, 1905, стр. 193—199.

[5] См. его „Monuments et inscriptions“, стр. 199—204. Надписи, скопированные в Мосуле французским консулом Siouffi, цитируются ниже под его именем и соответствующим номером. Надпись, скопированная в 1880 г. M. Sachau, сокращенно упоминается „Sachau“. Последний текст в более полной и исправленной редакции переиздан в статье M. v. Berchem „Arabische Inschriften“ под № 13, стр. 13—15; статья представляет собою первый отдел совместного труда Fr. Sarre und E. Herzfeld: Archäologische Reise im Euphrat-und Tigris-Gebiet. Forschungen zur islamischen Kunst, I, Bd. I, стр. 1—51 (цитируется ниже сокращенно: M. v. Berchem, Arch. Reise, Arab. Inschr.).

[6] В. Крачковская. Мусульманское искусство в собрании Ханенко. ЗВК, 1926, стр. 37.

[7] G. Wiet, op. cit., стр. 180, № 75. — Лондонское блюдо обозначается ниже „блюдо Муз. Викт.-Альб.“

[8] Das Metallbecken des Atabeks Lulu von Mossul, Münch. Jahrb. der bild. Kunst, 1907, I, стр. 18—37.

Таким образом, мы имеем для сопоставления серию бронз и монументальных надписей с именем Лӯлӯ.

Перейдем теперь к характеристике гравированной надписи борта киевского таза. Красивый шрифт типа айюбидского насх̮ӣ,[1] который появился на инкрустированных бронзах мосульского стиля ко второй половине XII в., гибкий и подвижный, снабжен диакритическими знаками, но не полностью, и роль их скорее декоративная; в этом убеждает существование таких же черточек и точек в некоторых местах для заполнения пространства и недохватки там, где они необходимы. Кроме этих знаков, есть и другие заполнительные фигуры фона в виде запятых, ломаных линий, ромбов, плетенки, вертикальных листков и изогнутых полулистков (рис. 4—13). Расположение орнаментальных элементов в этой надписи киевского таза подчинено главным образом эстетическим потребностям. Однако можно отметить, что в то время как ش шӣн нормально обозначен тремя точками, над س сӣном один раз вписан малый сӣн (над словом al-masākīn, рис. 14), а в остальных шести случаях — листовидный флерон, который в данных местах имеет служебное значение дифференцирующего знака. Палеографический тип этой надписи, хотя и близок к мюнхенскому блюду, все же несколько отличается от него. Насх̮ӣ мюнхенского блюда стройнее, т. е. стволы высоких букв больше вытянуты, диакритических знаков меньше, растительные и плетеные элементы отсутствуют, насколько можно судить по доступным изображениям.[2] Если последнюю надпись по типу можно сближать с монументальной надписью 569/1173—74 г. с именем Нӯр ад-дӣна на башне стены в Дамаске,[3] то наличие растительных элементов в киевской надписи надо поставить в связь, с одной стороны, со шрифтом на штукатурном михрабе в Бузӯне 528/1133 г.[4] и, с другой — со шрифтом надписи 588/1192 г. на церкви св. Анны в Иерусалиме, которую Ṣалāдӣн превратил в шāфиитское медресе;[5] та и другая замечательны сращениями букв насх̮ӣ с растительными элементами, подобно цветущему кӯфӣ.[6] В киевской надписи, как и в некоторых айюбидских, например в над-

---

[1] Об айюбидском насх̮ӣ см.: M. v. Berchem. Amida, стр. 125.— Он же. Inscriptions arabes de Syrie. Le Caire, 1897, стр. 34, сл. — Он же. Monuments et inscriptions, стр. 207.

[2] M. v. Berchem. Monuments et inscriptions, рис. на стр. 204. — Fr. Sarre u. M. v. Berchem, Das Metallbecken des Atabeks Lulu von Mosul, табл.

[3] Ее изображение см. M. v. Berchem. Inscriptions arabes de Syrie, табл. V, рис. 9.

[4] Изображение см.: Miron Bement Smith. Imam Zade Karrar at Buzun, a dated seldjuk-ruin, Archäologische Mitteilung. aus Iran, B. VII, Heft 2—3, Berlin, 1935, табл. I—VII. — Образцы шрифта с растительным орнаментом из Бузӯна см. в цитированной ниже, (примеч. 6) статье В. Крачковской „Naskhi Inscriptions“ по рисункам автора с фотографии A. U. Pope. — См. также A Survey of Persian Art, vol. IV, 1938, Pl. 311 B.

[5] M. v. Berchem, op. cit., табл. V, рис. 10; он упоминает еще хорошее изображение у: Mauss. La piscine de Bethesda, рис. на стр. 23.

[6] Вопросу о цветущем насх̮ӣ посвящена часть моей статьи „Ornamental Naskhi Inscriptions“ в „A Survey of Persian Art“, изд. A. U. Pope, Vol. II, London — New York, 1939, pp. 1770—1784.

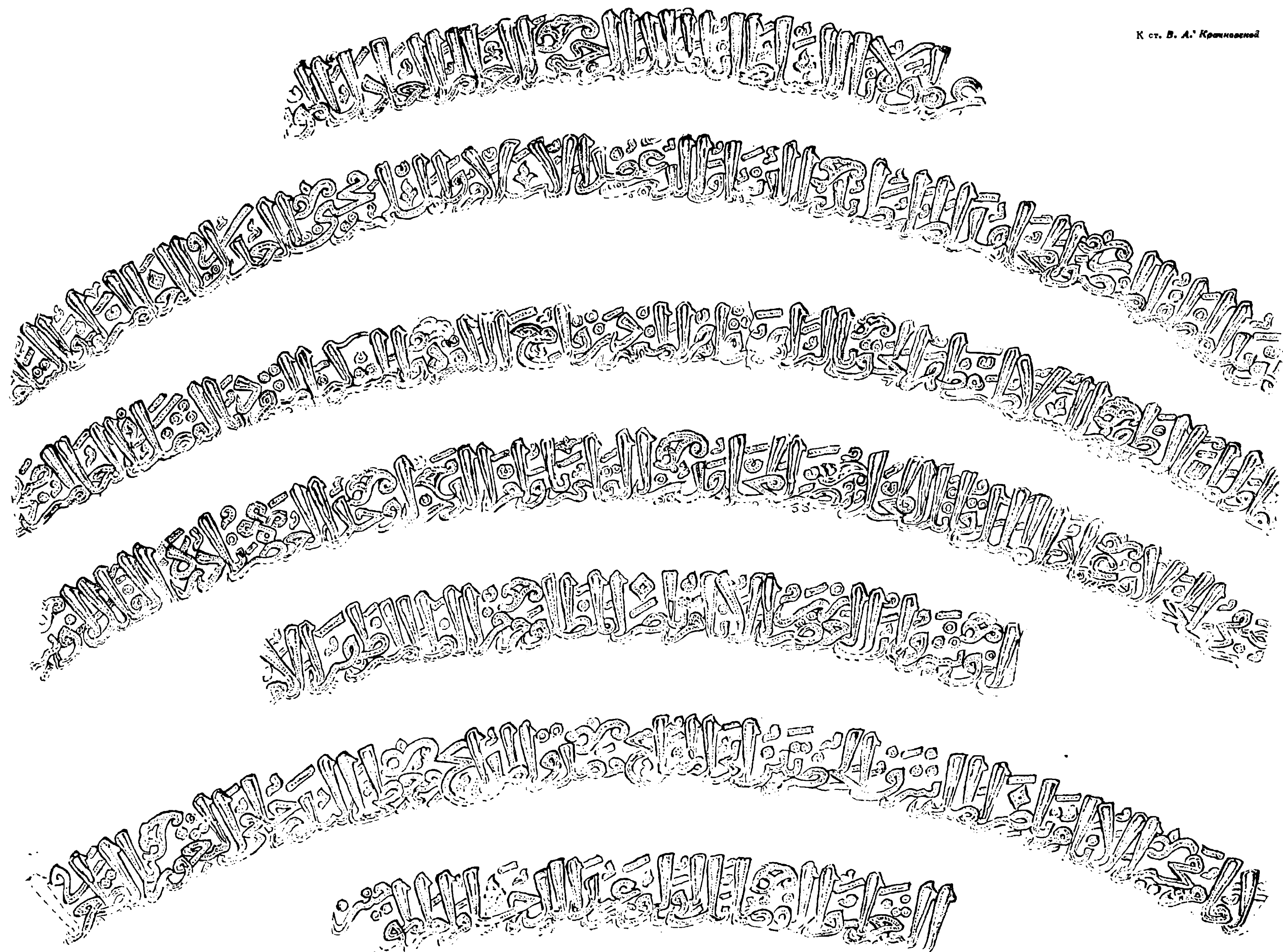

Рис. 3. **Надпись бронзового** таза Бадр ад-дӣна Лӯлӯ. Графическое воспроизведение.

писи Малика Ṣāлиḥа Айюба 647/1249 г.,[1] растительные элементы не слиты вполне с буквами, хотя они иногда соприкасаются с ними.

В монументальных надписях Лӯлӯ, шрифт которых довольно строен и неплотен, роль растительных элементов та же, как в надписи таза. Более всего сходство обнаруживается в надписи Кара Сарая в Мосуле.[2]

По своей литературной форме надпись киевского таза представляет образчик рифмованной прозы. Чаще всего употреблена рифма на ـين (12 раз); другие встречаются реже, как, например, на ـام; ـائج; ـير (по 2 раза и более). Стилистически надпись не выпадает из серии надписей Лӯлӯ. Начинается она прославлением عز لمولانا 'Слава господину нашему...' За титулом само-

Рис. 4—14. Орнаментальные детали надписи бронзового таза Бадр ад-дӣна Лулу.

стоятельного властелина السلطان الملك الرحيم[3] идет сперва серия обычных и простых по форме эпитетов,[4] затем более сложные титулы. Эта титулатура слагалась постепенно на протяжении VI/XII в. у Сельджуков и Айюбидов, которые представляли крупную политическую силу.[5] Как в простых, так и в сложных титулах исследуемого текста упоминаются и превозносятся гражданские, военно-политические и религиозные доблести. Ряд эпитетов принадлежит к так называемому суннитскому циклу, в котором отразилась, с одной стороны, внутренняя борьба суннитов с шиитами, с другой стороны, — внешняя борьба ислама с крестоносцами.[6]

---

[1] M. v. Berchem. Corpus Inscriptionum Arabicarum, I Partie, Égypte, t. I, № 66, табл. XXV, № 1 (цитируется сокращенно CIA).

[2] M. v. Berchem. Arch. Reise, Arab. Inschr., № 19 (= Siouffi, 543), стр. 20, рис. 12.

[3] См. ниже, № 1.—G. Wiet, op. cit., Index, s. v. Malik Raḥim Lu'lu'. Для эпиграфических параллелей см.: Répertoire chronologique d'Épigraphie Arabe sous la direction de Ét. Combe, J. Sauvaget et G. Wiet, Le Caire, Tomes X—XI, 1939 sq.

[4] См. ниже, № 2.

[5] Очерк постепенного развития мусульманской почетной титулатуры см.: M. v. Berchem. Eine arabische Inschrift aus dem Ostjordanlande, ZDPV, Leipzig, B. XVI, 1893, 90—105.— Относительно хронологии эпитетов военного цикла, отражения борьбы с неверными в эпиграфике и анализа выражений, которые подчеркивают правосудие правителей, см.: G. Wiet, op. cit., стр. 2—4, 273, прим. 1.

[6] В. Крачковська, op. cit., стр. 112, 120, прим. 22.

В надписях Лӯлӯ выдержан не только общий стиль той эпохи, но и отображены некоторые биографические обстоятельства. Получив власть, которая была санкционирована соответствующей инвеститурой со стороны халифа, а позднее, повидимому, и монгольского хана, Лӯлӯ стремился поддержать свой престиж, казаться не ниже своих предшественников и бывших господ; поэтому склонность к пышным титулам и гиперболам в его протоколе отнюдь не ослаблена. Одни выражения нашего текста представляют точную аналогию с прочими надписями Лӯлӯ, в других есть варианты, отмеченные, как указано, в конце статьи. Здесь мы остановимся только на некоторых из них.

Наименование عضد الاسلام و المسلمين ʻопора ислама и мусульман' встречается в двух надписях Лӯлӯ, скопированных в Мосуле Siouffi;[1] в ряде других имеется вариант ركن ʻопора, столп' и на мюнхенском блюде — سلطان ʻсултан'. Протокол надписи Зенгӣ I, с которым было сопоставлено мюнхенское блюдо, краток и неполон.[2] Сходство этих надписей, вследствие тесной связи Лӯлӯ с домом мосульских Зенгидов, очень естественно. Гораздо больше материала для сравнения с нашей и прочими надписями Лӯлӯ дает прежде всего бронзовое блюдо из собрания Fr. Sarre с именем атабега Джезӣры Муʻизз ад-дӣна Махмӯда (представителя одной из ветвей дома Зенгидов), надпись на котором надо сопоставить с киевским насхӣ также и с палеографической стороны, главным образом по характеру заполнительных элементов, еще более сложных.[3] Другие близкие параллели находятся в надписях Ортокидов в Амиде, изданных M. v. Berchem.[4] Буквальное сходство и та же последовательность оказываются в простых эпитетах: العالم العادل المؤيد المظفر المنصور المجاهد المرابط ʻученый, справедливый, поддержанный, победоносный, побеждающий, борец за веру, охранитель границ' у Муʻизз ад-дӣна Махмӯда[5] (правил с 605/1208 г.), у Ортокида Маудӯда (625/1228 г.),[6] и без двух последних эпитетов — у предшественников Маудӯда. Несмотря на распространенность в мусульманской титулатуре, эти эпитеты далеко не всегда одинаковы как по численности, так и по порядку перечисления.

В ряде сложных титулов и эпитетов, значительная часть которых вошла позднее в титулатуру мамлюкских султанов,[7] сохранена традиционная конструкция, но появились варианты не только сравнительно с надписями Ортокидов, Зенгӣ I и т. д., но сравнительно и с прочими текстами Лӯлӯ. Так, например, выражение قاهر المتمردين ʻпобедитель восставших' чаще встречается

---

[1] Изданы. M. v. Berchem. Monuments et inscriptions, Siouffi, №№ 541 и 543.

[2] Op. cit., стр. 194.

[3] Эта надпись издана и комментирована E. Mittwoch; см.: Sammlung Sarre. Erzeugnisse islamischer Kunst. I. Metall. Bearbeitet von Friedrich Sarre mit epigraphischen Beiträgen von Eugen Mittwoch. Berlin, 1906. Текст под № 19, стр. 12—13, комментарии — стр. 69—71 В дальнейшем эта работа цитируется сокращенно: Mittwoch.

[4] См. его „Amida", №№ 27—32.

[5] Mittwoch, № 19; ср. ниже, № 2.

[6] M. v. Berchem. Amida, № 32.

[7] M. v. Berchem, CIA, Première partie, t. I, Égypte, № 178, и Index.

в более полном виде со вставкой между первым и вторым словом... الخوارج و '...бунтовщиков и...'[1] Упоминание побед над восставшими в титулатуре Лӯлӯ вполне соответствует перипетиям той ожесточенной борьбы с амирами, которую Лӯлӯ вел в течение трех лет с 615/1218 по 617/1220 г. Главным зачинщиком восстаний был 'Имāд ад-дӣн Зенгӣ, младший сын Нӯр ад-дӣна Арслāн Шāха I, который боролся за отцовский престол после смерти старшего брата и племянника.

Титулы ظهير الامام مجير الانام 'помощник имама, покровитель людей' в остальных надписях Лӯлӯ не встретились, но были распространены у его предшественников: они отмечены в надписи Зенгӣ I, и в той же форме мы их видим у Ортокида Маудӯда.[2] Интересный вариант дает киевский текст в словах: حامى الثغور بالطعن فى الثغر 'защитник границ ударами копья в лицо'. Прежде изданные тексты Лӯлӯ имеют более простую форму حامى البلاد 'защитник городов' и حامى ثغور بلاد المسلمين 'защитник мусульманских городов'.[3]

Для целого ряда выражений в привлеченном выше материале параллелей не нашлось, и с этой стороны киевский текст кажется наиболее интересным. Большинство именно этих выражений имеет гиперболический характер, как, например, اوحد العصر 'единственный в эпохе', نادرة الفلك 'диковина под небесами' المتفرّد بالفضل فى العالمين 'единственный по достоинству во вселенной';[4] в некоторых превозносится щедрость Лӯлӯ, как, например, ابى المنائح (им. пад. ابو) 'отец даров' или معطى البدر 'раздающий большие суммы'.[5]

Однако и эти выражения не все оказываются уникальными, так как наиболее близкую редакцию сравнительно с исследуемым текстом Лӯлӯ имеет надпись на бронзовом тазе Айюбида ал-Малик ал-'Āдиля II Сайф ад-дӣна Абӯ Бакра (правил с 635/1237 г. в Египте, был низложен в 637/1240 г. и умер в заключении в 645/1248 г.).[6] В этом тексте, кроме других известных параллелей, находятся حامى الثغور بالطعن فى الثغر и مصدّق المدائح ابو المنائح اوحد العصر.[7]

Характерной особенностью киевской редакции служит отсутствие традиционных иранских и тюркских титулов, которые встречаются во многих текстах Лӯлӯ.[8] Сюда относятся, например, иранские титулы پهلوان جهان خسرو ايران 'слава мира, герой Ирана' и тюркские الب غازى اينانج قتلغ بك 'Альп Гāзӣ 'Йнāндж Ḳутлуг Бек' в протоколе мюнхенского блюда и надписи

---

[1] См. ниже, № 9.

[2] См. ниже, №№ 21—22.

[3] См. ниже, № 27 и стр. 17, 22.

[4] См. ниже, №№ 11, 17, 18.

[5] См. ниже, №№ 25—26.

[6] Полный текст с переводом на французский язык дан: G. Wiet, op. cit., стр. 272—273, к стр. 1.2, № 49 A.

[7] См. ниже, №№ 17, 25, 27.

[8] Об их первоначальном значении см.: M. Sobernheim, op. cit., стр. 196—197 E. Mittwoch, стр. 70.

маззолея Ибн ал-Ҳасана в Мосуле.[1] Отсутствует также сохранившийся в мавзолее титул طغرلتكين 'Ṭогрултегӣн', присущий большинству зенгидских надписей,[2] начиная с Зенгӣ I, и отмеченный в протоколе атāбега Джезӣры.[4] Единственным отзвуком непосредственного иранского влияния в киевской редакции оказывается уподобление Анӯширвāну: انوشروان العصر بين الانام 'Анӯширвāн времени среди людей', в котором Лӯлӯ сравнивается со знаменитым сасанидским царем Ҳосроем Анӯширвāном.[5]

Любопытно, что в киевской редакции, как и на двух бронзовых блюдах с именем Лӯлӯ, отсутствует прежде всего титул اتابك 'атāбек', хотя он встречается в монументальных надписях и на монетах.[6] Может быть это могло бы указывать на период полной самостоятельности Лӯлӯ, другим показателем которой служит султанский титул. Последний у нас встречается в начале надписи, а на мюнхенском блюде повторяется еще раз дальше в приведенной уже форме سلطان الاسلام و المسلمين.[7] По поводу султанского титула очень интересное замечание сделал M. v. Berchem:[8] „Détail curieux, le titre de sultan gravé sur les deux plats de cuivre ne figure pas dans les inscriptions de Mossul datées de 641 et 646, bien que Lu'lu', d'après Abu-l-faradj et Nuwairi..., ait reçu du calife l'investiture comme sultan dès l'année 631. Il faut remarquer à ce propos que les auteurs emploient couramment le terme de sultan, comme nous celui de prince, dans un sens beaucoup plus large que la valeur diplomatique de ce titre. Il se pourrait donc que l'investiture n'ait eu lieu qu'après 646 et que les deux plats n'aient été gravés que plus tard. Un curieux détail qui semblerait confirmer cette hypothèse, c'est que le titre *sultān al-islām wal-muslimīn*, qui figure aussi dans l'inscription de Munich, se retrouve sur quelques monnaies de Lu'lu', mais seulement sur celles, frappées en 656, qui reconnaissent la suzeraineté du grand qān mongol, comme si Lu'lu' eût reçu de Mangū le titre de sultan en échange de sa soumission".

Таким образом, M. v. Berchem, опираясь на тексты монументальных надписей и монетные легенды, считал возможным отнести два бронзовых блюда к периоду после 646 г. В связи с этими соображениями возникновение киевского таза относится с большой долей вероятия не к 631—657 гг. хиджры, а к еще более тесному периоду, между 645—657 гг. хиджры, т. е. к последнему десятилетию жизни Лӯлӯ. Настаивать на безусловной точности такой датировки пока нельзя, принимая во внимание другие случаи расхождения протоколов монументальных надписей и монетных легенд.

---

[1] M. v. Berchem. Monuments et Inscriptions, Siouffi, № 401; см.: Amida, стр. 92, прим. 5.

[2] См.: Amida, стр. 97.

[3] M. Sobernheim, op. cit, стр. 197.

[4] Mittwoch, стр. 70.

[5] См. ниже, № 19.

[6] M. v. Berchem. Inscriptions arabes de Syrie..., стр. 95.

[7] См. ниже, № 1.

[8] Monuments et inscriptions, стр. 208, прим. 1.

Далее возникает вопрос, каково взаимоотношение протоколов Лӯлӯ в киевской редакции и ал-ʻА̄диля II. Ал-ʻА̄диль II был представителем Айюбидов, военные операции которых в борьбе с крестоносцами расценивались современниками неизмеримо выше того участия, которое выпало в этой борьбе на долю Лӯлӯ, не раз в своей жизни терпевшего военные неудачи. Несмотря на это, в тексты Лӯлӯ, кроме обычного простого эпитета المرابط ʻохранитель границʼ, включен тот или другой вариант его сложного эквивалента حامى ثغور или حامى الثغور. Надо подчеркнуть, что ни один из рассмотренных текстов Лӯлӯ не содержит одновременно двух таких вариантов, тогда как в протоколе на тазе ал-ʻА̄диля II военные заслуги владельца выделены еще сильнее посредством повторения двух сложных вариантов данного типа. Протокол ал-ʻА̄диля относится, вероятно, к 635/1237—637/1240 гг. Сопоставление этих дат со временем появления в эпиграфике султанских титулов Лӯлӯ, дает основание предположить, что приоритет в употреблении отмеченной выше и редко встречаемой титулатуры принадлежит скорее ал-ʻА̄дилю II, чем Лӯлӯ, и эти обстоятельства еще сильнее говорят в пользу поздней датировки киевского таза.

Текст киевского таза дает официальное имя Лӯлӯ с куньей:

السلطان الملك الرحيم بدر الدنيا و الدين ابو الفضائل لولو بن عبد الله

ʻСулт̣а̄н ал-Малик ар-Рах̣ӣм Бадр ад-дунья̄ ва-д-дӣн Абӯ л-фад̣а̄ʼиль Лӯлӯ сын ʻАбдаллаха.ʼ Официальное отношение к халифу выражено в заключительной фразе: حسام امير المؤمنين ʻмеч амира правоверныхʼ.[1]

Как имя, так и кунья Лӯлӯ говорят о его былом рабстве. В период халифата одной из излюбленных категорий имен, даваемых рабам, были названия драгоценных камней и ароматических веществ. Йа̄кӯт, т. е. ʻЯхонтʼ было имя известного арабского писателя — современника Лӯлӯ (ум. в 626/1229 г.). Абӯ-ль-Миск Ḳа̄фӯр ʻотец Мускуса Камфораʼ — так звали одного из правителей Египта при Ихшидидах, евнуха, отношение которого к дому Ихшидидов имеет сходные черты с биографией Лӯлӯ: он правил Египтом независимо в 355—357/966—968 гг. Таково было и имя ата̄бека Лӯлӯ — ʻЖемчугʼ.

У отца ата̄бека Лӯлӯ имя ʻАбдаллах столь же показательно. Рабы попадали в рабство очень часто в раннем возрасте и утрачивали связь и со своей родиной и со своей родной семьей. С принятием рабом ислама, отсутствующего отца часто называли ʻАбдаллах или ʻАбдалʻазӣз, т. е. „раб Аллаха“ или „раб всевышнего“. Подобную кунью носил Йа̄ḳӯт;[2] эта черта становится особенно понятной из сопоставления с некоторыми русскими фамилиями дореволюционного периода, как Богданов, Найденов и др. Интересную параллель женской куньи указанного происхождения дает, между прочим, имеющееся в Ленинграде,

---

[1] См. ниже, № 29.

[2] R. Blachère. Yāḳūt ar-Rūmī. Enzyklopaedie des Islām, IV, стр. 1247, 1248.

ныне в Секторе Востока Государственного Эрмитажа, арабское надгробие 224/839 г.[1]

В тексте киевского таза остается неясным значение одного слова после причастия قاتل, буквы которого алиф, лāм, мӣм, х̣а и лāм совершенно четки и образуют الحمل. Чаще всего в аналогичных текстах за قاتل следует الكفرة..., и المشركين, что дает значение 'убиватель неверующих и язычников'; но в нашей редакции эти слова соединены с причастием قامع 'покоритель'.[2] Может быть здесь вкралась орфографическая ошибка.

Два концентрических пояса надписей плетеным кӯфӣ разделены на отдельные отрезки и очень сложны по шрифту. Стволы букв скрещиваются, перевиваются между собой и сплетаются с разнообразными геометрическими фигурами в средней зоне поясов. Фон испещрен мелкой гравировкой. Эти тексты пострадали от времени значительно сильнее. При работе можно было пользоваться только карандашными эстампажами некоторых частей. Те слова, которые удалось разобрать, показывают, что куфические тексты состояли из пожеланий и, повидимому, исторического значения не имели. Для примера достаточно привести некоторые из них. В одном из отрезков надписи внизу стенки таза начинается перечисление пожеланий в обычных выражениях стереотипной формы:

العزّ والبهاء والشكر والسناء والمجد والعلاء والدولة و...

'Счастье и блеск и благодарность и величие и слава и возвышение и владычество...' и т. д. Затем пожелания усложняются посредством добавления к имени определения, как, например:

النعمة السابغة 'полное благоденствие', الجدّ الصاعد 'увеличивающееся счастье'.

Слабый интерес, который представляют со стороны содержания оба текста кӯфӣ, вполне компенсирован содержанием надписи насх̮ӣ. Последняя позволяет отнести киевский таз Бадр ад-дӣна Лӯлӯ с полной уверенностью к указанному историческому периоду, затем к определенному пункту — Мосулу, который был центром мосульских Зенгидов. Мастера этого города — металлисты, граверы, инкрустаторы — пользовались широкой и вполне заслуженной славой. Относительно места производства надпись киевского таза умалчивает; анализ стиля показывает, что таз сделан в Мосуле. Полезно напомнить, что среди подписных работ мосульских мастеров на протяжении целого века (с 617/1220 по 721/1321 г.)[3] стал известен только единственный бронзовый кувшин коллекции de Blacas в Британском музее, который подписан мастером в самом Мосуле в 629 г., т. е. при жизни Лӯлӯ, за два года до его независимости. Во всяком случае, плохо сохранившаяся подпись на срезе

[1] В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии Академии Наук СССР, 1929, № 2, стр. 19 сл. — H. S. Nuberg. Le Monde Oriental, t. XXIV (1930), стр. 147.

[2] См. ниже, №№ 14 и 10.

[3] См. список подписных бронз: G. Wiet, op. cit., стр. 18—22. — Список имен мосульских мастеров см.: E. Kühnel, op. cit., стр. 9—11.

края таза, в конце которой читается имя ...يوسف – Йюсуф, не совпадает ни с одним из установленных имен мастеров, носивших кунью الموصلى ʻал-Мауçилӣʼ.

Варианты и комментарии

1 О титуле السلطان الملك الرحيم см.: M. v. B e r c h e m. Monuments et inscriptions, стр. 198, 200, 202; он полностью встречается на блюде „мюнхенском" и Муз. Викт.-Альб.; сокращенно الملك الرحيم — op. c i t., S i o u f f i, №№ 391, 401, 543 (см. также стр. 204); с изменением первой части الملك المولى — op. c i t., S i o u f f i, № 541 и 542. О значении и иерархическом различии титулов الملك и السلطان см.: M. v. B e r c h e m. Amida, Index, s. v.

2 Короткие эпитеты, начиная с العالم, встречаются в той же последовательности в надписи Зенгида Му'изз ад-дӣна атāбега Джезӣры и на ортокидских надписях Амиды, но только начиная с Маудӯда (№ 32, 625 г.) там появляются المجاهد المرابط. Семь эпитетов надписи таза повторены точно: на блюдах мюнхенском и Муз. Викт.-Альб. и в монументальной надписи Лӯлӯ в 'Арабане (последнюю см.: M. v. B e r c h e m. Arch. Reise, Arab. Inschr., № 6, стр. 6—7, рис. 3); в тексте Лӯлӯ (№ 13 M. v. B e r c h em. l. cit.) есть еще два титула, принадлежащие к этой серии: المثاغر الغازى. Другой порядок, неполная серия, но со введением al-muǧāhid (ibid., № 25) — на фрагменте иналидской надписи. Значение двух последних см.: M. v. B e r c h e m. Eine arabische Inschrift aus dem Ostjordanlande, стр. 101—102.

3 Прозвище на dīn بدر الدنيا و الدين вошло в употребление как при сокращенном наименовании Лӯлӯ, так и в его полное официальное имя; оно встречается в ряде надписей: M. v. B e r c h e m. Monuments et inscriptions; S i o u f f i, №№ 401, 541—543; S a c h a u, „мюнхенское" и Муз. Викт.-Альб. блюдо, монументальные надписи Лӯлӯ; M. v. B e r c h e m. Arch. Reise, Arab. Inschr., №№ 6 и 13. О связи между прозвищем Лӯлӯ „Бадр" и изображениями луны на памятниках и монетах см.: ibid., стр. 201, прим. 1; M. v. B e r c h e m, Amida, стр. 94, прим. 4. В титулах на dīn у других лиц изменяется первая часть; см.: M i t t w o c h, стр. 69 معز; M. v. B e r c h e m. Amida, №№ 16—18, 29, 30—ناصر, № 32, ортокид Маудӯд — ركن (ср. также: G. W i e t, op. cit., Appendice, стр. 184, № 89) № 27—نور и т. д.

4 Титул عضد الاسلام و المسلمين указывает на отношение к исламу; он введен впервые в форме ...ملك в сельджукидских надписях (см.: G. W i e t, op. cit., стр. 2). Наш вариант встречается в надписях Лӯлӯ; см.: M. v. B e r c h e m. Arch. Reise, Arab. Inschr., № 6 и 13; M. v. B e r c h e m. Monuments et inscriptions, S i o u f f i, №№ 541 и 543. В других случаях изменяется первая часть титула: вариант... ركن ...i b i d, S i o u f f i, № 401, S a c h a u и Муз. Викт.-Альб. блюдо (см. также: M i t t w o c h, стр. 69 и прим. 1; M. v. B e r c h e m. Amida, № 30). Вариант .. سلطان — на „мюнхенском" блюде (M. v. B e r c h e m. Monuments et inscriptions, стр. 205, и Amida, № 29) у Ортокида Маҳмӯда, восходит к Çалāдӣну (564—589/1169—1193 г.). См.: G. W i e t, l. cit.

5 محيى العدل فى العالمين То же см.: M. v. B e r c h e m. Arch. Reise, Arab. Inschr., № 13 и 18; M. v. B e r c h e m. Monuments et inscriptions, „мюнхенское" и Муз. Викт.-Альб. блюдо, S a c h a u, S i o u f f i, №№ 541 и 543; полностью повторено в надписи Ортокида Маудӯда 625 г. (Amida, № 32), более коротко muhjī al-'adl — у Ортокида Маҳмӯда 605 г. (Amida, №№ 29 и 30). Оба варианта известны в текстах VI в.: короткий 537 г. в Алеппо (G. W i e t, op. cit., стр. 3, со ссылкой на: S o b e r n h e i m. Heiligtum..., Mél. Dérembourg, № 1); длинный — в Хама 550 г. (G. W i e t, l. cit.). Другие варианты там же, стр. 3—4.

6 ابو اليتاما و المساكين То же см.: M. v. B e r c h e m. Monuments et inscriptions, „мюнхенское" и Муз. Викт.-Альб. блюдо.

7 ظهير السلاطين. Более высокомерно звучат: سيّد ملوك والسلاطين в надписи Лӯлӯ в ʻАрабане (M. v. Berchem. Arch. Reise, Arab. Inschr., № 6) и تاج الملوك والسلاطين в Кара Сарае в Мосуле (ibid., № 18). Титул политического характера, показатель относительной вассальной зависимости Лӯлӯ. Список его сюзеренов по монетным данным см.: M. v. Berchem. Monuments et inscriptions, стр. 198—199. Характеристика титулов этого рода: ibid., стр. 207, историческая часть, I, и прим. 3.

8 مظهر الحقّ بالبراهين. То же см.: Mittwoch, стр. 69 прим. 2, со ссылкой на: M. v. Berchem CIA, I, стр. 279 и 440. Вариант ناصر см.: Mittwoch, № 19; G. Wiet, op. cit., стр. 181, № 77; стр. 272, № 49; из надписей Лӯлӯ встречается на „мюнхенском" блюде, Sachau и Siouffi, № 401, M. v. Berchem. Arch. Reise, Arab. Inschr., № 13.

9 قاهرالمتمرّدين. То же см.: M. v. Berchem. Monuments et inscriptions, Siouffi, № 401. Вариант قاهر الخوارج والمتمرّدين ibid., Siouffi, № 543, „мюнхенское" и Муз. Викт.-Альб. блюдо, стр. 205—206; то же — Amida, № 32, у Ортокида Маудӯда 625 г. и Wiet. op. cit., стр. 141, № 8870 (637—662 г., Малик Мугӣт Фатх ад-дӣна ʻОмар сын ал-ʻАдиля II).

10 قامع الكفرة و المشركين. То же см.: M. v. Berchem. Amida, № 27; Mittwoch, № 19, стр. 69; G. Wiet, op. cit., стр. 2, 38, 39, 141, 272. Вар. قامع المشركين см.: Wiet, op. cit., 2, и Gallotti. Une cuve de marbre, Hespéris, 1923, стр. 376. Вариант kātil al-kafara wa-l-mušrikīn (см. ниже, № 14) встречается в некоторых надписях Лӯлу, см.: M. v. Berchem. Arch. Reise, Arab. Inschr., № 13; Monuments et inscriptions, Siouffi, № 401 и 543, Sachau, „мюнхенское" и Муз. Викт.-Альб. блюдо; M. v. Berchem, Amida, № 40 — Иннсбрукская чаша. Вар. ...قاتل — Wiet, op. cit., стр. 2, № 92, 764/1362—63 г. Вар. قامع الكفرة والمتمرّدين, приведенный Mittwoch (l. cit. представляет контаминацию данного титула с отмеченным в примечании 9 выше. Сокращение нашей редакции посредством выпадения al-kafara... см.: M. v. Berchem. Monum. et inscr., Муз. Викт.-Альб. блюдо. Вар. al-mulḥadīn „еретиков" вм. al-mušrikīn „язычников" G. Wiet., стр. 3 со ссылкой на: Bischof. Tuḥaf al-aubā' fī ta'rīkh Ḥalab a-shahbā', Beyrouth, 1880, стр. 129. Оба эпитета ...قامع и ...قاتل имеют военно-религиозный характер и содержат намек на войну с неверными, т. е. не-мусульманами.

11 المتفرّد بالفضل فى العالمين. Аналогий в привлеченном материале нет.

12 صفى الخلافة. Титул политического характера. Вариант صفوة الخلافة см.: M. v. Berchem. Monuments et inscript., „мюнхенское" блюдо; то же см.: M. Sobernheim, op. cit., стр. 195, надпись ʻИмāд ад-дӣна Зенгӣ I. Вар. ذخر الخلافة см.: M. v. Berchem, Monum. et inscript.; Siouffi, № 401; Amida, № 29. Ср. ниже № 13.

13 عماد الملك. Аналогий в привлеченном материале нет. Вариант عماد الاسلام و المسلمين см.: M. v. Berchem. Amida, № 32. Вар. عماد الخلافة см.: G. Wiet, op. cit., стр. 272, № 49 A.

14 (?) قاتل المحل kātil al—mḥl (?) См. выше, стр. 15, 17. Вариант قاتل الكفرة والمشركين см. выше, № 10.

15 نصير المجاهدين. Вариант 1-й: نصر المجاهدين, см.: Mittwoch, стр. 69—70, где приведены еще вариант 2-й: ناصر الغزاة والمجاهدين у M. v. Berchem (CIA, I, № 374, стр. 563; встречается также у Ортокида Маудӯда, Amida, № 32) и вариант 3-й معزّ الغزاة والمجاهدين у M. Sobernheim (op. cit., стр. 194). Вариант معين الغزاة و المجاهدين см.: M. v. Berchem. Monuments et inscriptions, „мюнхенское" блюдо. Это чтение M. v. Berchem (mu'īn) расходится с чтением mu'izz того же текста у Sobernheim. В опубликованном последним тексте ʻИмāд ад-дӣна Зенгӣ I (стр. 195) восстановлен текст [ام]ير المجاهدين [am]īr al-muǧahidīn, который можно изменить, опираясь

на киевскую редакцию текста Лӯлӯ. Вар. مجمر المجاهدين см.: G. Wiet, op. cit. стр. 272.

16 القائم باوامر الدين. Этот титул, как и предшествующий № 15, религиозного характера, относится к титулам суннитского цикла; см.: M. v. Berchem. Monuments et inscriptions, стр. 207, прим. 3. Начертание совершенно ясно и правильнее, чем в надписи таза атабега Джезӣры Му'изза ...باومر, чтение которой верно установил Mittwoch (стр. 69) и привел более употребительный вариант القائم بحدود الله 'стоящий на защите законов Аллаха'. Ср. также حامي حوزة الدين = 'охраняющий область религии', M. v. Berchem. Monuments et inscriptions, Siouffi, № 401; G. Wiet, op. cit., стр. 43, 45, 123; حامي حوزة الاسلام, ibid., стр. 45.

17 اوحد العصر. Единственная пока аналогия в цитированном протоколе ал-Малик ал-'Āдиля II; см.: G. Wiet, op. cit., стр. 272. Awḥad см.: M. v. Berchem, CIA, I, № 82, 95, 460, 486. Ср. ниже № 19: ...انوشروان العصر.

18 نادرة الفلك. Аналогий и вариантов в привлеченном материала нет; можно противополагать ортокидскому и айюбидскому титулу فلك المعالي 'сфера высоких качеств', вошедшему в протокол „мюнхенского" и Муз. Викт.-Альб. блюда; см.: M. v. Berchem. Monuments et inscriptions, стр. 205—206; Amida, № 29—30; G. Wiet, op. cit., стр. 272.

19 انوشروان العصر بين الانام. В титулах и эпитетах Лӯлӯ, изданных M. v. Berchem, (Monuments et inscriptions,) этот не встречается (см. выше, стр. 15), но есть خسرو ايران 'герой Ирана' у Siouffi № 401 и на „мюнхенском" блюде (см. также Amida, №№ 27, 30, 32). Можно сопоставить наш титул с رستم زال الوقت 'Рустем Зāль века', отмеченный M. v. Berchem (Monuments et inscriptions, Sachau, стр. 203, прим. 7, со ссылкой на CIA I, 710, № 2. — M. v. Berchem. Arch. Reise, Arab. Inschr., стр. 14, 4 и 15, прим. 1).

20 ناصر المظلوم من الظالمين. Вариант مجير المظلومين من الظالمين 'покровитель угнетенных от притеснителей' см.: G. Wiet, op. cit., стр. 155). Вариант منصف المظلومين من الظالمين 'добивающийся справедливости для угнетенных от притеснителей', см.: M. v. Berchem. Arch. Reise, Arab. Inschr., №№ 13 и 17; G. Wiet, op. cit., 17, 39, 113, 123, 272. Appendice, 201; M. v. Berchem. Monuments et inscriptions, Sachau, „мюнхенское" и Муз. Викт.-Альб. блюдо, Siouffi, № 401; последний текст дает еще один близкий по смыслу вариант الآخذ للمظلوم من الظالم 'защищающий обиженного от обидчика'; о значении его M. v. Berchem (CIA, I, стр. 143) говорит: „Ce titre fait allusion à une institution fort répandue dans les pays musulmans, le naẓār-fil-maẓālim, sorte de cour d'appel, présidée par le souverain".

21 ظهير الامام. Кроме параллелей M. Sobernheim (op. cit., стр. 195—196, 'Имāд ад-дӣн Зенгӣ I) и M. v. Berchem (Amida, № 32), к обеим частям этого титула есть варианты:

1) نصير الامام (Amida, №№ 27 и 29).

2) قسيم الامام (G. Wiet, op. cit., стр. 142).

3) ظهير الامام (M. Sobernheim Das Heiligtum Shaikh Mahassin in Aleppo. Mélanges Hartwig Dérenbourg, Paris, 1909, стр. 384).

4) ظهير الاسلام (Amida № 27); ср. также ظهير خليفة الله (ibid., № 20, и т. п.).

22 مجير الانام. Рифмует с предшествующим. То же см.: M. Sobernheim, op. cit., стр. 195—196; M. v. Berchem. Amida, № 32. Вариант مجير المظلومين من الظالمين см.: G. Wiet, op. cit., стр. 302, Index, s. v. и стр. 15, № 139, 5; ср. выше, № 20.

23 ناصر الملّة. То же см.: M. Sobernheim, op. cit., стр. 384; G. Wiet, op. cit., стр 272, № 49 A; M. v. Berchem. Monuments et inscriptions, „мюнхенское" и Муз. Викт.-Альб. блюдо, Siouffi, № 401. Варианты: ...امير (M. v. Berchem. Amida, № 27): ...بهاء

(№№ 20, 22, 24); سعد (№ 21); ...صمصام (№ 40, Инсбрукская чаша). Варианты ناصر الملّة المحمّديّة и غياث الملّة المحمّديّة (см.: G. Wiet, op. cit. стр. 18).

24 شرف الحضرتين. Аналогий нет. Ср. شرف الاسلام (M. v. Berchem. Amida, № 24); вероятно, имеются в виду западные и восточные владения Лӯлӯ, подобно упоминанию на „мюнхенском" блюде اجلّ ملوك الشرق والغرب 'самый знаменитый из царей востока и запада' и ملك ملوك الشرق او الغرب 'царь царей востока или (sic!) запада' на блюде Муз. Викт.-Альб., M. v. Berchem. Monuments et inscriptions, стр. 205—206, и в надписи Хāна: ملك امرء الشرق والغرب; см.: M. v. Berchem. Arch. Reise, Arab. Inschr., № 13. Названия подразумеваемых владений Лӯлӯ — Сирии и обоих Ираков — разъясняют два других титула цитируемой надписи Лӯлӯ: شهريار الشامين زيار العراقين 'Шахрийāр обеих Сирий, Зийāд обоих Ирāков'. Они заимствованы, очевидно, из титулатуры 'Имāд ад-дӣна Зенгӣ и Нӯр ад-дӣна Махмӯда: شهريار الشام و الشام и امير العراقين شهريار الشام والعراقين. См.: M. v. Berchem, op. cit., стр. 14, прим. 4; M. Sobernheim, op. cit., стр. 384—385. Ср.: В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский. Из арабской эпиграфики в Ани (надпись на мечети Манучехра), стр. 683—684.

25 ابى المنائح مصدّق المدائح. Оба эпитета рифмуют; в том же сочетании см.: G. Wiet op. cit., стр. 272, № 49 A; так как первый эпитет читается там ابو المنائح с вāвом, без род. падежа 'отец даров', то в нашем тексте, вероятно, стоит abī с правильным окончанием род. падежа, хотя возможно также чтение atī... 'дающему подарки...'

26 معطى البدر. Аналогий нет. См. выше, № 25.

27 حامى الثغور ابالطعن[1] فى الثغر. Полное совпадение см.: G. Wiet, op. cit., стр. 272, № 49 A; 273, прим. 1. Известны следующие варианты: حامى البلاد 'защитник городов' (M. v. Berchem. Monuments et inscriptions, Sioufi, № 401); حامى ثغور بلاد المسلمين 'защитник границ мусульманских городов' (ibid., „мюнхенское" и Муз. Викт.-Альб. блюдо; G. Wiet, l. cit.); حامى ثغور الاسلاميّة 'защитник мусульманских границ' (M. v. Berchem. CIA, I, № 374, 906/1501 г.).

28 ابو الفضائل لولو بن عبد الله. Было бы правильнее начертание abī, в зависимости от родительного падежа начала надписи ...عزّ ل 'Слава такому-то...'; однако, на всех надписях Лӯлӯ сохраняется Abū. Аналогичные ошибки известны; см., например, выше, № 25; M. v. Berchem. Amida, №№ 33—34, надписи султана Айюба: ...عزّ لمولانا ..ابو الفتح.. Форма куньи, как в киевском тексте, см.: M. v. Berchem. Monuments et inscriptions, Sioufi, № 401 и 542; сокращенно, без имени отца: ابو الفضائل لولو (ibid., Sioufi, № 539 и 543; блюдо Муз. Викт.-Альб. и „мюнхенское". На предшествие куньи личному имени у атāбегов см. указание Mittwoch (стр. 69).

29 حسام امير المؤمنين. То же см.: M. v. Berchem. Monuments et inscriptions, стр. 2073. Sioufi, №№ 542 и 543, „мюнхенское" блюдо (также Amida, № 19). Вариант ناصر (ibid., Sioufi, № 401); вариант ...نصير (ibid., блюдо Муз. Викт.-Альб.); то же (Mittwoch, стр. 70); см. его прим. 5 о других вариантах ...حليل, ...قاسم и их значение; G. Wiet, op. cit., Index, s. v. kasīm amīr al-mu'minīn, khalīl amīr al-mu'minīn и saif amīr al-mu'minīn.

[1] Вм. правильного ثغور.

А. А. СЕМЕНОВ

НАДПИСЬ НА НАДГРОБИИ ПСЕВДО-СЕЙИД ОМАРА В ГУР-И ЭМИРЕ В САМАРКАНДЕ

Среди гробниц Тимура, его сыновей, внуков и его духовного наставника в известной их усыпальнице, в Гур-и Эмире в Самарканде, имеется надгробие, которое не имеет никакого отношения к погребениям Тимура и Тимуридов и решительно ничем не связано с ними; тем не менее едва ли не все писавшие о Гур-и Эмире считали нужным в более или менее определенных выражениях упоминать о погребенном под этой могильной плитой Сейид Омаре или эмире Сейид Омаре. Говорят утвердительно (как акад. Бартольд) или с оговоркою „по преданию“, что он был четвертым сыном известного эмира Кулала, занимал должность „мухтасиба“ или блюстителя нравов и мер длины и веса в базарной торговле (неизвестно, в каком городе, по замечанию акад. Бартольда; в городе Самарканде при Тимуре, где и умер в 803/1400—1401 г., по словам В. Л. Вяткина и М. Е. Массона).[1] Ничего похожего на это в надписи нет. Огромная надгробная плита из серого мрамора, повидимому, той же породы, что и мраморные плиты на могилах сына и преемника Тимура, Шахроха, и его внука, Улуг-бека, прикрывает в склепе эту, как-то особенно отдаленную и уединенную могилу. В июне 1941 г., когда правительственная комиссия УзССР вскрывала погребения Тимура и его детей и внуков, я уделил внимание вышеназванной надгробной плите и прочитал на ней следующее (что можно проверить по прилагаемой фотографии с надгробия, сделанной фотографом И. П. Завалиным, рис. 1).

Вверху в изголовье:

لا اله الا الله محمد رسول الله

الرحمن على العرش استوى له

'Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммед — посол Аллаха'. 'Всемилосердый утвердился на (своем) престоле. У него' (не закончено, и дальше средняя часть плиты лишена каких бы то ни было надписей, хотя, повиди-

[1] В. В. Бартольд. О погребении Тимура. ЗВО, т. XXIII, 1915, стр. 29. — В. Л. Вяткин. Гур-Эмир (библиогр. заметки). Справ. кн. Самарк. обл. за 1906 г., вып. VIII, Самарканд, 1906, стр. 301. — М. Е. Массон. Мавзолей Гур-Эмир, Ташкент, 1926, стр. 25.

мому, для них была отведена длинная поверхность, окаймленная цветочнообразными линиями).

По сторонам плиты, начиная с верхней перемычки:

بسم الله الرحمن الرحيم بسم الله وباسمه المنزّه||ربّ الآخرة والاوُلى لا غايـة له
ولا منتهى فى السّموات العُلى الرحمن على العرش استوى له ما فى السّموات وما فى الارض
و ما بينهما و ما تحتَ الثّرى وإن تجهر||بالقول فانّه يعلم السرّ واخفى الله العظيم وا
||عظيم الآلآء دائم النعمآء قاهر الاعدآء الرّحيم عاطف بلطفه على خلقه عادل فى حكمه عالم فى
ملكه رحيم الرحماء عليم العلماء بصير البصراء غفور الغفراء||

'Во имя Аллаха милостивого, милосердого! Во имя Аллаха, во имя его чистое, господа будущей жизни и настоящей! Нет конца и предела (ему) в горних небесах. *Всемилосердый утвердился на своем престоле. В его власти, что на небесах и то, что на земле, и то, что между ними, и то, что под землею. Не произноси громко слов своих, потому что он знает тайное и самое сокровеннейшее.*[1] Аллах — велик. Он великий (в своих) милостях, он — вечный (в своих) благодеяниях, он — победитель (всех) врагов, он — всемилосердный, милостивый своими милостями ко (всем) своим тварям, он — правосудный в своих решениях, он — всеведущий в своем владении, он — всемилосердный из милосердых, он — всезнающий из ученых, он — всевидящий из видящих, он — всепрощающий из прощающих'.

Таким образом весь этот арабский текст относится к прославлению Аллаха и к перечислению сопровождающих его качеств без какого бы то ни было намека не только на определенное лицо, но даже и на принадлежность покойника к тому или иному классу. Так что можно думать, что те, которые клали эту огромную мраморную плиту на настоящую могилу, совершенно не знали в точности, кто был в ней похоронен, и сделали эту плиту с надписью самого обычного безотносительного характера лишь в уважение к народному поклонению какой-то чтимой безымянной могиле. Допустить же, что надпись по каким-то причинам осталась незаконченной невозможно, ибо надгробные плиты делаются в мастерских, а не на самой могиле, из мастерской же ее, надо полагать, взяли на могилу возсе не спешным порядком. Что похороненный в этой могиле не был Сейид Омаром, не опровергается и теми двумя источниками, которые приводят вышеназванные ученые акад. Бартольд и В. Л. Вяткин. Первый ссылается на „Рашахат-у айн-ал-Хайат" ('Сочащиеся капли из источника жизни') ас-Сафи'я (ум. в 939/1532 г.), однако в сочинении этом говорится лишь, что четвертый сын бухарского эмира Кулала, Сейид Омар, большую часть времени проводил за выполнением надзора за нравственностью верующих, за соблюдением на базарах нормальных цен, правильного веса и мер длины. (По этому поводу акад. Бартольд справедливо замечает: „не сказано, в каком городе"). Он отличался чрезвычайной ревностью в отправлении своих обязанностей, причем, как принадлежащий к дервишской семье, он не забывал внушать имущим

[1] Курсивом выделены стихи 4, 5 и 6 из XX суры Корана.

Рис. 1. Надгробие псевдо-Сейид Омара в Самарканде.

классам, чтобы они помогали дервишам. Получив воспитание в суфийском духе и, повидимому, не оставляя стадий мистического пути, Сейид Омар сумел сочетать это с официальною должностью *мухтасиба*, ибо в то время, повидимому, еще не было такого разрыва, как позже, между *ахл-и таухид* и *ахл-и сыфат*, т. е. между признающими абсолютное единство Аллаха или Истины, и теми, кто видит его единство во множестве имен, образов и качеств, т. е. между *улема* и суфийскими „старцами". Автор „Рашахата" отмечает, что Сейид Омар умер „в месяцы" 803|1400—01 г.[1] В. Л. Вяткин, говоря о похороненных в Гур-и Эмире лицах, кратко пишет, что „в западной нише" лежит „Суфи Мир Сеид Умар (ум. 803 г.), сын известного суфи (мистика) амира Сеид Куляля. Мир Сеид Умар собственно ничем не замечателен и присутствие его могилы в одной с Тимуром усыпательнице является фактом загадочным". (Дальше приводятся домыслы, как это могло случиться). Любопытно отметить, что покойный В. Л., приводя дату смерти Сейид Омара 803 г., ссылается на „Нафахат ал-Унс" без всяких других, принятых в таких случаях, подробностей.[2] Между тем ни критическое издание N. Lees (Калькутта, 1858—1859) этого труда Джами, ни индийские литографии, ни рукописи не заключают биографии Сейида Омара; остается предположить, что или В. Л. Вяткин сделал эту ссылку по памяти, или в его распоряжении был „Нафахат ал-Унс" какой-то другой редакции, или просто здесь какое-то недоразумение.

М. Е. Массон без ссылки на какой-либо источник, с добавлением слов „по преданию", повторяет по-существу те же сведения о Сейид Омаре, которые дал В. Л. Вяткин, но совершенно определенно отмечает, что он занимал „при жизни должность мухтасиба в *Самарканде*". В связи со всеми этими неопределенными и сбивчивыми сведениями о Сейид Омаре, приведенными упомянутыми учеными, я позволю себе остановиться на данных об этой личности, помещенных в том труде, который послужил источником для автора „Рашахата" и который остался, повидимому, неизвестен В. В. Бартольду, В. Л. Вяткину и М. Е. Массону. Труд этот называется مقامات امیر کُلال ('Стадии мистического пути эмира Кулала'); его автор — правнук шейха по прямой линии, по просьбе ряда лиц из потомков шейха, весьма добросовестно собрал сведения о жизни и поучениях эмира Кулала и о членах его семьи по мужской линии. Среди таких сведений он дал совершенно определенные и о Сейид Омаре. Последний, по словам этого источника, был младшим сыном бухарского шейха эмира Кулала (ум. в 772/1370—71 г.), родившегося и умершего в селении *Сухари* (سوخاری), лежащем к востоку от г. Бухары километрах в 4 от Бахаудина (на картах — Мир Кулал, по имени находящегося там мазара) Эмир Кулал, как известно, был пиром или духовным наставником знаменитого патрона Бухары, шейха Бахауддина „накшбенда" (ум. в 790/1388 г.). Сейид Омар, пойдя по стопам своего отца, тем не менее

---

[1] رشحات عين الحيات, ас-Сафи. Лукнов, 1323/1905, стр. 48.

[2] В. Вяткин, Гур-Эмир, стр. 301.

большую часть своей жизни посвятил исполнению обязанностей *мухтасиба* в г. Шахрисябзе, где его ревности к отправлению своей должности не могла даже остановить угроза смерти со стороны тех, кого он старался отвадить от совершения антишариатских поступков. Но, вместе с исполнением этой должности карательно-инспекторского характера, Сейид Омар усердно занимался и суфийской практикой, и автор вышеупомянутых „Макамат-и Эмир Кулал“ приводит немало данных, касающихся этой стороны жизни Сейид Омара. Он умер в 803/1400—1401 г. в Банд-и Оганин, а через год его останки были перевезены оттуда в Бухару и похоронены в сел. Сухари, рядом с его отцом, эмиром Кулалем.[1] Этого же рода сведения мы находим и в последнем по времени труде бухарского принца Насируддин-тюри (или, как он сам называет себя, „Насируддин-ал-Ханафи ал-Бухари“) تحفة الزائرين, т. е. Подарок посещающим св. места (Бухары)'. Автор этого труда в совершенно определенных выражениях пишет, что Сейид Омар „покоится поблизости своего отца“.[2] Таким образом, как мне кажется, нет никаких оснований считать, даже „по преданию“, погребение в западной части Гур-и Эмира за могилу Сейид Омара, сына эмира Кулала, а следует придать ей наименование „могилы неизвестного лица“, как подчеркивает это сама надпись на надгробной плите на этой могиле.

---

[1] مقامات امير كلال, бух. литография без обозн. года и типографии, стр. 55—60.
[2] تحفة الزائرين, Бухара, 1324, стр. 46.

А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

ДВЕ НАДПИСИ НА СЕВЕРНОМ МАВЗОЛЕЕ 1152 г. В УЗГЕНДЕ

Заслуженной славой пользуются развалины трех мавзолеев в Узгенде в КирССР. Мавзолеи эти являются прекрасными памятниками караханидской архитектуры XI—XII вв. Лучше других сохранился северный мавзолей 1152 г., являющийся по времени своей постройки промежуточным звеном между средним, наиболее ранним, и южным, наиболее поздним (1136—1187 гг.) мавзолеями. Портал северного мавзолея ценен не только своей разнообразной декоровкой (выкладка орнаментов кирпичиками и неполивными резными изразцами, резьба по гянчу), но и двумя прекрасно сохранившимися и весьма содержательными надписями. Одна из надписей помещена над дверью, начинается на правой щеке арки, тянется длинной полосой по фасадной стороне и кончается на левой щеке. Надпись эту можно назвать арабско-тюркской, так как, кроме арабской титулатуры и имен, в ней имеются еще тюркские имена и титулы. Выполнена эта надпись в стиле куфи. Вторая надпись тянется по стрельчатой арке портала красивой орнаментальной полосой и являет собой замечательный образец монументального декоративного насха.

Обе надписи в мусульманской эпиграфической сокровищнице XII в. займут исключительное место хотя бы уже потому, что они сохранили не только все свои слова, но и все буквы в полной неприкосновенности. Насколько нам известно, среди надписей XII в. это весьма редкий, если не единственный случай. Северный мавзолей не раз подвергался описанию как сам по себе, так и в совокупности с средним и южным,[1] однако до настоящего времени не появилось о них монографии, в которой они были бы изучены как с точки зрения архитектуры, архитектурной декоровки, так и специально эпиграфики.

---

[1] Б. П. Денике. Искусство Средней Азии. 1927, стр. 18 и сл. — Б. Засыпкин. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация.; Вопросы реставрации, изд. Центральных реставрационных мастерских, М., 1926, стр. 154. — М. Е. Массон. Рецензия — „Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация", Вопросы реставрации, М., 1926, стр. 137—138, 15 фототипий, 6 чертежей; Известия по изучению Таджикистана, I, стр. 236. — П. Корнилов. Узген и его памятники. 1931. — Ernst Cohn-Wiener. Turan, Islamische Baukunst in Mittelasien. Berlin, 1930, стр. 19 и сл., 35. Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М. — Л., 1939, стр. 44 и сл., 11 и сл. — Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии. М., 1940, стр. 42 и сл.

Портал северного мавзолея 1152 г. представляет интерес главным образом с трех точек зрения: 1) места, которое он занимает в истории возникновения и развития порталов в Средней Азии, 2) места, которое он занимает в эволюции архитектурной орнаментики и 3) места, которое занимают его две надписи в эпиграфике архитектурных памятников Средней Азии.

Оставляя первые два вопроса совершенно в стороне, автор настоящей заметки не ставит себе задачей разрешить целиком и третий вопрос, считая, что для этого еще не настало время, так как среднеазиатской эпиграфики как дисциплины еще нет, а что касается ее эпиграфических богатств, то, за исключением весьма немногого, они еще не опубликованы. В большинстве случаев до настоящего времени из среднеазиатских архитектурных надписей извлекались даты постройки, имена возводивших здания правителей и имена, буде они имелись, строивших здания или работавших над их украшением мастеров. Предварительной задачей при создании такой эпиграфической дисциплины является удовлетворительное с научной точки зрения, издание надписей, установление их текста и перевод. Только после этого можно ставить вопросы о почерках и их особенностях, об орнаменте и участии в нем надписи как существеннейшего его элемента и т. д. Скромную задачу публикации надписей и ставит себе автор настоящих строк.

Первая надпись Северного мавзолея 1152 г., выполненная в стиле куфи, не была еще полностью издана. Вторая, — исполненная в стиле декоративного насха и помещенная на стрельчатой арке портала, вместе с верхней частью последнего была опубликована главным образом с учетом декоративного значения в книге Кон-Винера „Туран".[1]

Надписи на узгендском мавзолее впервые подверглись изучению М. Е. Массоном в его поездку в Узгенд в конце апреля и начале мая 1927 г. К сожалению, М. Е. Массон так и не опубликовал обещанного им в печати разбора узгендских памятников. Единственное, что имеется в качестве результатов его поездки в Узгенд, это небольшое, но весьма ценное примечание к стр. 236 упомянутой выше его рецензии на статью Б. Н. Засыпкина „Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация". Позволим себе в интересах дела привести это примечание целиком. „Так как разбор узгендских памятников будет дан мной в другом месте, я ограничусь здесь лишь замечанием, что надписи на памятниках встречаются уже на более ранних зданиях, чем северный узгендский мавзолей, который по впервые разобранным мною в 1927 году надписям на портале принадлежит одному из членов династии илеков, Тогрул Карахакану Хусейну, сыну Хасана, сына Али, умершему в день среды, четвертого месяца реби II, в 547 году хиджры".[2] М. Е. Массон соединил здесь наиболее существенные данные, имеющие историческое значение, из двух надписей — над дверью и на стрельчатой арке. Однако эти существенные данные далеко не исчерпывают содержания двух надписей.

[1] Ernst Kohn-Wiener, Turan, Berlin, 1930.

[2] Указ. соч., стр. 236, прим. 1.

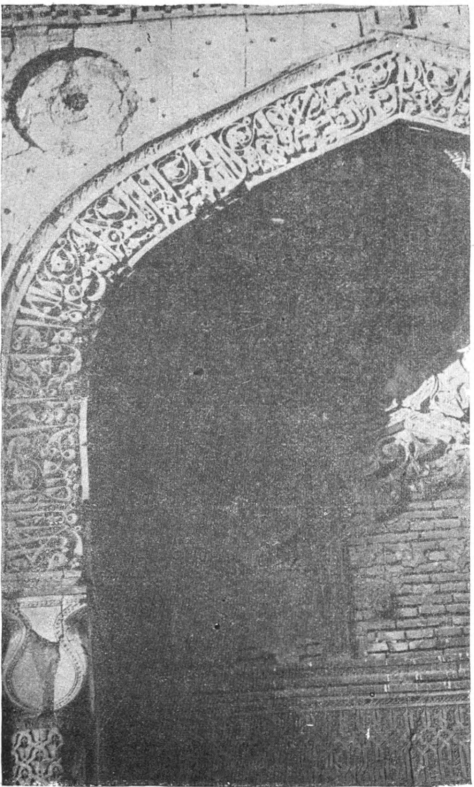

Рис 1. Северный мавзолей в Узгенде. Надпись насхи, левая сторона.

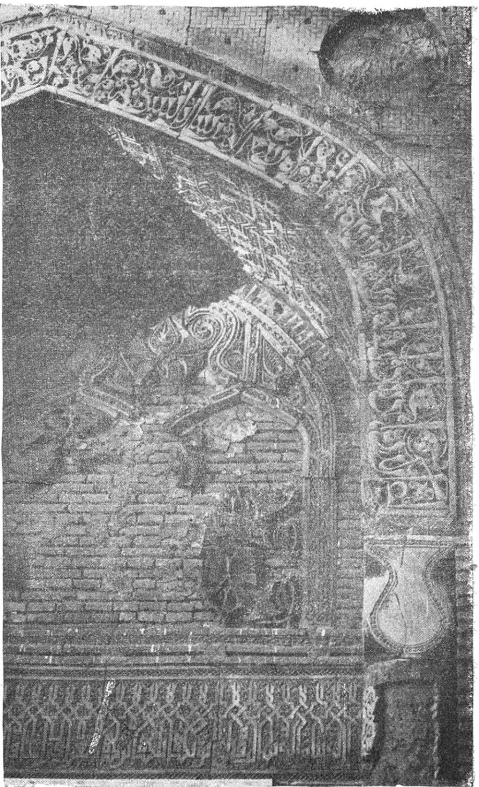

Рис. 2. Северный мавзолей в Узгенде. Надпись насхи, правая сторона.

Рис. 3. Северный мавзолей в Узгенде.
Надпись архивольта.

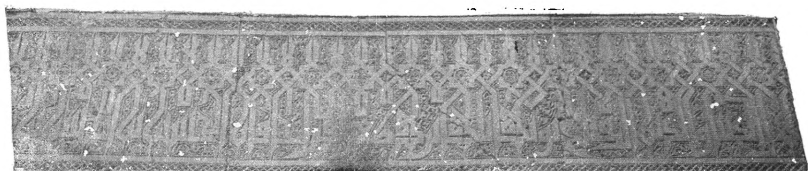

Рис. 4. Северный мавзолей в Узгенде. Надпись куфи, деталь.

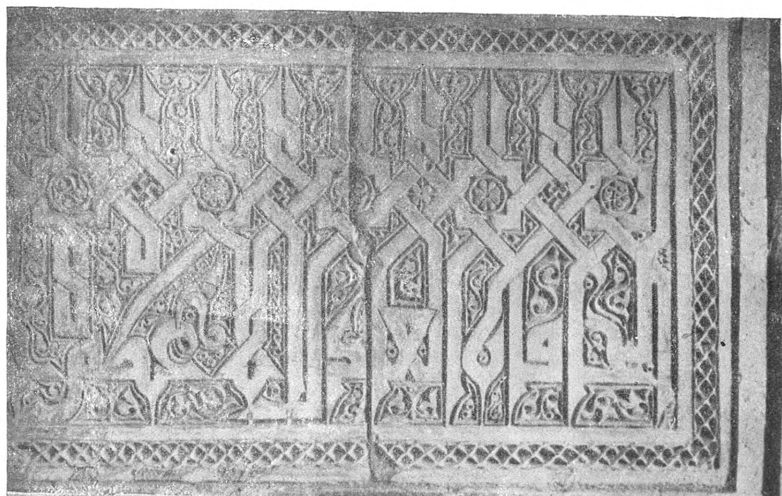

Рис. 5. Северный мавзолей в Узгенде. Надпись куфи, отрезок № 1.

Уже после появления рецензии М. Е. Массона упомянутый выше венский профессор вновь дал краткое содержание двух этих надписей, однако с некоторым вариантом. Он не упомянул тюркского имени „Тугрул Карахакан“, которое прочел М. Е. Массон, но зато добавил „Джелал-ад-дин“. Дату прочли оба: „Среда раби II 547 г. хид.“ Насколько нам известно, никто более не опубликовал содержания надписей, хотя имя караханидского правителя и дата построения здания поминались в литературе много раз.

Ввиду того, что в надписях имеются части неопубликованные и представляющие несомненную научную ценность, позволим себе привести обе их целиком. Считаем необходимым издать их, а также делаем попытку полного чтения их текста. Начнем с верхней надписи, помещенной на стрельчатой арке (рис. 1—3) Надпись эта читается следующим образом:

آغاز کرده آمد بنا دولت خانه روز چهار شنبه چهارم ماه ربیع اخر سال پانسد وچهل هفت از هجرت مصطفی محمد النبی صلی الله علیه و علی آله واصحابه اجمعین الملک لله

'(Эта) давлет хана начата постройкой в среду четвертого месяца раби второго в год пятьсот сорок седьмой хиджры Мустафы Мухаммеда пророка, да благословит Аллах его, семью его, всех его сподвижников. Царство принадлежит Аллаху'.

Надпись эта в известном отношении может быть признана уникальной. В ней встречаются факты, мимо которых пройти невозможно. Дата построения здания, приведенная по-персидски, является для домонгольского времени случаем чрезвычайно редким. Выражение آغاز کرده آمد, являющееся типичной таджикской конструкцией, засвидетельствовано, судя по нашей надписи, уже в середине XII в., что само по себе должно представить большой интерес для истории таджикского языка.

Термин „давлет-хана“ в значении „мавзолей“ (а в этом сомневаться нельзя) нам встречается впервые. Кроме того, в слове پانسد вместо ص стоит س, что характерно для ранних персидских текстов, каким и является данная надпись. В надписи дата обозначает начало постройки мавзолея, а не время смерти похороненного здесь лица, как сказано в примечании у М. Е. Массона, который не имея лесов, не мог ее, повидимому, всю изучить.

Вторая надпись, исполненная в стиле куфи и помещенная над дверью портала, говорит о лице, которое здесь похоронено (рис. 4—9). Надпись читается следующим образом:

الخاقان العادل الاعظم جلال الدنیا و الدین الپ قیلچ تونگا بلگا ترک طغرل قرا خاقان الحسین بن الحسن بن علی مجتبی خلیفة الله ناصر امیر المؤمنین الملک

'Хакан справедливый, могущественный, слава мира и веры, Алп Килыч Тунга Бильга Тюрк Тугрул Карахакан Хусейн ибн Хасан ибн Али, избранник Аллаха, помощник эмира правоверных, царь'.

М. Е. Массон из этой надписи опубликовал только „Тугрул Карахакан Хусейн сын Хасана сына Али“, между тем как в самой надписи имя и титул представлены значительно богаче. Он назван „Алп Килыч Тунга Бильга

Тюрк". Выше сказано, что упомянутое в надписи лицо и было похоронено в этом мавзолее. Однако формальных оснований для такого утверждения не имеется, так как, кроме имени и титула, надпись ничего не содержит. Таким образом лицо это могло с таким же основанием быть принято и за хакана, по приказанию которого мавзолей возведен. Если же мы все-таки склоняемся к первому утверждению, то только потому, что на мусульманских мавзолеях принято упоминать иногда имя похороненного лица без указания, что здесь находится его могила. Весьма интересной и оригинальной чертой второй надписи является сочетание в сложном имени и титулатуре упомянутого лица арабских и тюркских элементов. За обычным „ал-ха̄ка̄н ал-ʿадил ал-аʿзам джала̄л-ад-дуниа̄ ва-д-дӣн" мы читаем „Тунга Бильга Тюрк". Следуя за арабской титулатурой, эти тюркские три слова представляются нам тюркской частью титула.[1]

Характерно, что и имя у него тюркско-арабское: Алп Килыч Тугрул Карахакан Хусейн ибн Хасан ибн Али. Повидимому, в Узгенде XII в., столице ферганских илеков, лежащей на краю мусульманского мира, арабско-иранские элементы не были очень сильны. Тюрки илек-ханы еще носили свои тюркские имена и титулы и, повидимому, только в официальных случаях присоединяли к ним титулы и имена арабские. Эта двойственность и сохранилась в надписях на мавзолее 547/1152 г. Характерно, что даже во второй половине XIII в. в районе, столь же густо населенном тюрками, в Таласской долине, наблюдается аналогичный случай. В 1899 г. В. В. Бартольд опубликовал в тексте и переводе присланную ему В. А. Каллауром надпись с надгробного памятника, находящегося в мавзолее Кишк-аулие[2] в городе Джамбуле (тогда Аулиеата). Надпись гласит, что здесь похоронен правитель

[1] Правильность чтения слова توڭا, как „тунга" подтвердил член-корреспондент Академии Наук СССР С. Е. Малов. На мой вопрос, встречается ли это слово в тюркских языках и особенно в древнетюркском языке, С. Е. Малов любезно ответил мне письмом, в котором привел весьма ценные справки из своей картотеки. Привожу с разрешения С. Е. Малова наиболее интересные из них. 1) تیمور توڭا — собственное имя. Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова, Казань, 1906—1914, стр. 161. — П. М. Мелиоранский. Отрывки из сочинения Абуль-Гази, стр. 62. 2) В турецко-сирийских семиреченских памятниках встречается Arslan tonga (по Радлову и Хвольсону töngä) — собственное имя — мужское. См.: П. К. Коковцов. Изв. Акад. Наук, 1907, стр. 441—442, 444. 3) В соч.: W. Radloff. Uigur. Sprachdenkmäler, p. 298 (tonga), p. 281 — Qutlug tonga (собств. имя). 4) У Махмуда Кашгарского, см.: Brockelmann, Mitteltürk. Wortschatz, p. 213 (tonga tiger).

Tonga Alpär }
Tonga tigin } Махмуд Кашгарский, III, 272.
Tonga han }

5) В разных памятниках уйгурской письменности tonga — герой, мужественный, тигр. См., например, в уйгурском переводе сутры „Золотого блеска" (изд. В. Радлова и С. Малова), p. 208, tonganyng küči — сила героя; p. 425, tonga — герой. В Qutadgu bilig (изд. Радлова, ч. II, 1900—1910, стр. 257 — по Каирской версии) ai äršik tonga („o edler Grosser"). — F. W. K. Müller. Uigurica, IV, p. 24 (отд. отт.), tonga — Held."

[2] В. В. Бартольд, ЗВО, XII, стр. IV—V.

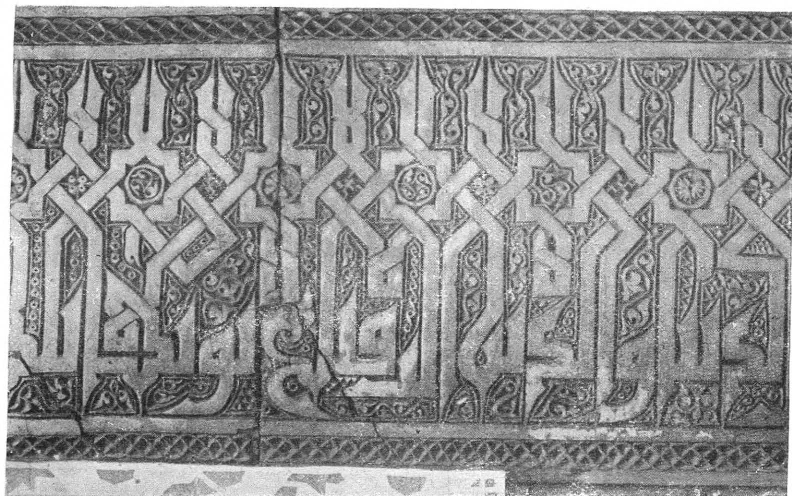

Рис. 6. Северный мавзолей в Узгенде. Надпись куфи, отрезок № 2.

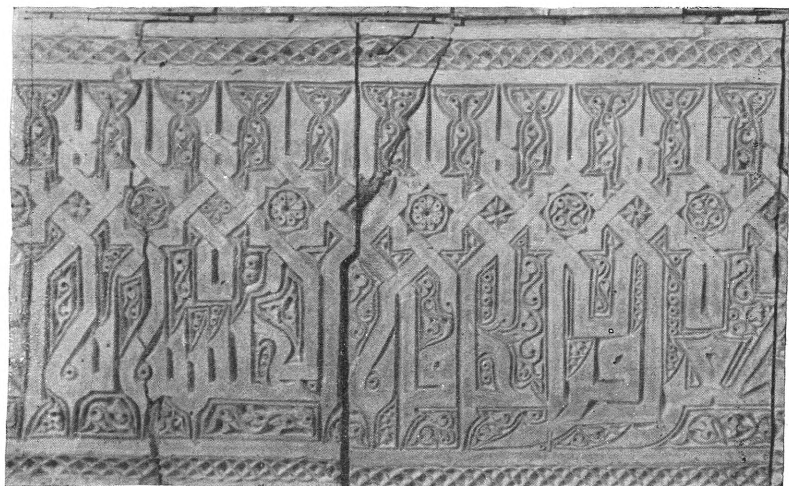

Рис. 7. Северный мавзолей в Узгенде. Надпись куфи, отрезок № 3.

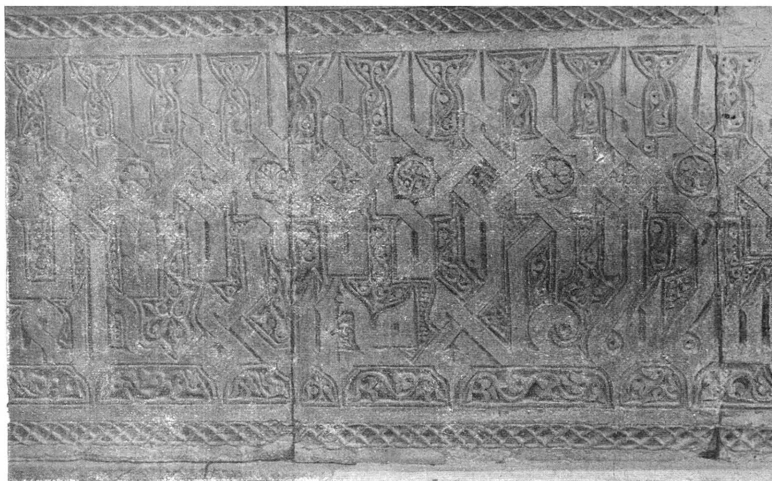

Рис. 8. Северный мавзолей в Узгенде. Надпись куфи, отрезок № 4.

Рис. 9. Северный мавзолей в Узгенде. Надпись куфи, отрезок № 5.

بلغ بولكا الغ بيلكا اقبال خان داود بيک اسفهسلار بن الياس اوغول بيک الشهنشاه
т. е. 'Балыг-Булга-Улуг-Бильгя-Икбал-хан Давуд-бек Исфахсалар сын Ильяс Огул-бека Шаханшаха'. Дата смерти указанного лица 8-го джумади I 660|31 III 1262 г.[1]

В данной надписи интересным фактом является соединение в титулатуре и имени арабских элементов (Икбāл, Дāвуд) с иранскими (Исфахсалар, Шаханшах) и тюркскими, которых больше всего.

В числе других тюркских титулов имеется знакомое по узгендской надписи слово بيلكا — „Бильга". Не ошибся ли переписчик, а вслед за ним и В. В. Бартольд в чтении слова بولكا — Булга, не является ли это словом تونكا — Тунга? Интересно, что тюркские элементы в титулатуре и имени местного правителя сильны еще в 1262 г., т. е. спустя почти полвека после начала монгольского нашествия.

А. М. Беленицкий в 1938 г. видел эту надпись на месте, что дало ему возможность более точно ознакомиться с начертанием отдельных слов и букв. В чтение надписи им внесены некоторые поправки, касающиеся главным образом имени.

Вот как выглядит имя и титул похороненного здесь лица:

و ·· بلغ ونكه الغ ىيلك اقبال حان داد [?داود] اسفهسلار بن الىاس··· ىد اعول بيک
السهير داد بلک الطر[ازى]

Надписи с узгендского северного мавзолея 1152 г. весьма ценны и как памятники декоративного искусства, поскольку надписи на мусульманских мавзолеях входят в общую систему орнамента как один из наиболее важных участков. В своей статье „Notices sur les inscriptions de la mosquée Djoum'a à Véramine" В. А. Крачковская правильно замечает, что два стиля — куфи и монументальный насх — в Средней Азии в XII в. сосуществовали и соперничали каждый в своем совершенстве.[2] Это ее замечание относится к южному узгендскому мавзолею 1186/87 гг. В еще большей мере ее слова „les deux genres d'écriture coexistent et se disputent les rôles" могут быть применимы к северному мавзолею 1152 г.

Рассмотрим сначала надпись, выполненную в стиле куфи. Составлена надпись из десяти больших терракотовых плит.[3] Надпись выполнена в технике резьбы по глине. В орнаментальном отношении надпись представляет, как полагается, сочетание куфических букв, геометрического плетения и стилизованных растительных мотивов. Заключена надпись в рамку, составленную из параллельных полосок, внутри которых изображена сотообразная плетенка. Характерной чертой разбираемого куфи является орнаментальная роль высоких

[1] В. В. Бартольд, указ. соч., стр. V.

[2] V. Kratchkowskaia, указ. соч., Extrait de la Revue des Études Islamiques, 1931, стр. 25. К вопросу о декоративных особенностях двух узгендских надписей В. А. Крачковская еще раз вернулась в своей интересной статье „Ornamental Naskhī inscriptions". A Survey of Persian art, т. II, стр. 1774—1775.

[3] Автор настоящей заметки, к сожалению, утерял свои записи с размерами высоты и длины надписи.

„палкообразных“ букв „алифа“ „ляма“, „кяфа“ и других. Верхние части этих букв создают геометрическое плетение, беспрерывно тянущееся по всей линии надписи. Главной частью этого плетения являются чередующиеся восьмиконечные звезды и квадраты, поставленные на угол. Верхние части „палкообразных букв“ выводятся попарно заостренными концами вверх. Другим заостренным концом эти буквы выведены вниз. В гнездах, образованных куфическими буквами и вышеотмеченным геометрическим плетением, помещен стилизованный растительный орнамент. По большей части это стебли с двумя или тремя трилистниками. Внутри упомянутых выше звезд размещены розетки, составленные из четырех или восьми лепестков, или звезды и кружки с включенными в них композициями из трилистников. Характерной чертой всей орнаментной композиции надписи является обычная для Средней Азии и Ирана неповторяемость орнамента. Орнамент одного гнезда чем-нибудь да отличается от орнамента другого. В целом надпись производит впечатление монументальности в полном соответствии с общей декоровкой портала.

Перейдем теперь к надписи, помещенной на стрельчатой арке и выполненной в стиле монументального, правда очень стилизованного под растительный орнамент, насха. В силу этой своей особенности надпись читается с трудом, особенно, если исследователь встречается с такой эпиграфической разновидностью впервые. Надпись скомпонована так, что в нижней половине ее размещены буквы, а в верхней — растительные детали. Мастер, вырезавший в глине буквы и растительные мотивы (стебли, листья), придал своему почерку характер максимальной близости к растительному орнаменту. „Палкообразным“ буквам — „алифу“, „ляму“, „кяфу“ — он сообщил характер стеблей, достигнув этого тем, что вывел эти буквы со значительным утончением книзу. Да и во всех остальных буквах этой надписи мастер дает, где только возможно, сочетание утончающихся и утолщающихся линий. Некоторые буквы нелегко даже сразу разобрать, настолько им придан характер стилизованного растительного орнамента, точнее его элемента. В этом отношении особенно характерны буквы ع ـحـ ـهـ و при всех их положениях в слове.

Обе надписи как со стороны своего содержания (имена, титулатура, язык), так и декоративной обработки еще не раз привлекут к себе внимание исследователя, настолько они ценны и интересны.

А. Н. БЕРНШТАМ

УЙГУРСКАЯ ЭПИГРАФИКА СЕМИРЕЧЬЯ. I

Во время наших археологических работ в Семиречье были обнаружены различные надписи на сосудах, камне, монетах и керамических поделках. В основном надписи происходят из трех пунктов — древних городов Тараза, Сарыга и Баласагуна.[1]

Среди собранного эпиграфического материала были надписи на сирийском, согдийском, уйгурском, арабском и китайском языках, а также надписи уйгурским шрифтом и санскритским письмом, причем язык этих надписей не поддается пока точному определению.

Часть надписей была уже обследована и прочитана и частично уже нашла отражение в печати.[2]

Относительно большую группу в серии этих находок составляют надписи согдийско-уйгурской вязью на местных, тюркских языках, которые обычно именуются уйгурскими надписями. Так, одна надпись в две с половиной строчки на шиферной пластинке была найдена при раскопках Тараза, там же была найдена малая надпись вместе с изображением человека. Уйгурским шрифтом была исполнена надпись на каракитайской черепице, найденная на городище древнего города Баласагуна.

Различные надписи были найдены в развалинах города Сарыга и его окрестностях. Среди них имеются надписи сирийские, согдийские и большая группа уйгурских. К уйгурским надписям принадлежат, кроме нескольких малых фрагментов и надписей на венчиках небольших сосудов (до сих пор еще точно не установлено — согдийские они или тюркские),[3] три целых надписи

[1] Краткие итоги работ изложены в книжках А. Бернштама: Памятники старины Таласской долины. Алма-ата, 1941; Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941; Историко-культурное прошлое Чуйской долины по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943. Итог работ за 10 лет см.: А. Бернштам. Итоги археологических работ в Семиречье. Краткие сообщения ИИМК, XIII, 1946. Там же отмечены находки надписей и чтение некоторых из них. Наше чтение надписей на монетах см.: А. Бернштам. Тюргешские монеты, Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа II, Л., 1940, а также в статье „Новый тип тюргешских монет“ (в печати).

[2] Обзор этих находок мы дадим в другом месте.

[3] Одна из них найдена на городище древнего Сарыга нашей экспедицией, другая подобрана проф. М. Е. Массоном и хранится в археологическом кабинете Среднеазиатского Государственного университета в Ташкенте.

на больших сосудах-хумах. Две из них были найдены на двух больших хумах в южной окраине древнего города Сарыга, третья тоже на венчике хума в древнем городище у с. Покровки, Кантского района, километрах в 10 к западу от Сарыга.

Указанные надписи на хумах были найдены во время строительства Большого Чуйского канала весной 1941 г. и сохранены научными сотрудниками экспедиции археологического надзора на строительстве.

Два хума, найденные в Сарыге, были обнаружены вкопанными в землю. В одном из хумов оказались зерна проса. Хумы совершенно одинаковой выделки, из глины высокого качества, прекрасного обжига. По археологическим данным они датируются IX—XI вв. Один из хумов (надпись которого составляет сюжет настоящей заметки) имеет высоту 1.04 м, шаровидный в верхней части и идет на конус в нижней. Диаметр горловины 47 см, тулова 80 см и дна хума 27.5 см. Венчик хума резко отогнут наружу и образует широкую полосу (6.5 см), удобную для нанесения надписи. На одном венчике хума надпись из пяти слов, занимающая примерно одну треть окружности венчика. Надпись заключена между двумя орнаментальными клеймами в виде прямоугольника, рассеченного на два параллельные ряда квадратиков по 4 квадратика в каждом ряду. Посредине надписи круглый оттиск штампа в виде восьмилепестковой розетки, разделяющей надпись на две части.

В первой части надписи три, во второй два слова. Надпись четко врезана тонким резцом умелой и грамотной рукой. Буквы написаны в подавляющем количестве ясно и плавно соединены друг с другом, свидетельствуя о привычном для резчика курсиве. Надпись сделана до обжига сосуда, по сырому, хотя и слегка подсохнувшему сосуду. Небольшие выщерблины, последовавшие после изготовления сосуда, не мешают чтению и легко отличимы от рисунка букв (рис. 1 и 2). Надпись мы читаем следующим образом:

т. е. „Čuj süčig suγur. Batmon χu“.

Первое слово, благодаря абсолютной ясности написания, не может быть прочтено иначе, как „Чуй“, т. е. название местности — долины и реки „Чу“. В китайских источниках, например у Сюань-Цзана, Чуйская долина называлась Су-е (索 葉), что являлось транскрипцией двуязычного скрещенного названия долины Суяб (سوياب). В имени „Суяб“ скрещение тюркского слова „су“ ‘вода’, и иранского (согдийского) слова „яб“. Объяснение происхождения этого названия, построенного на соединении тюркской и согдийской части реки, мы уже дали в другом месте.[1] Отметим, что иранские слова сохранились и поныне в наименованиях урочищ Киргизстана, например в таких топонимических названиях как „Чалдывар“, где вторая часть слова „вар“ — староиранский авестийский „var“ или, например, в названии ущелья Ова (верховья Таласа, откуда течет правый приток Таласа, р. Кенкол).[2]

---

[1] А. Бернштам. Археологический очерк Сев. Киргизии, Фрунзе, 1941, стр. 78—79.

[2] На это обратил внимание участник нашей экспедиции 1939 г. А. М. Беленицкий.

С другой стороны, имя „Чуе“ носили и одни из тюркских племен, входящих в „десятистрельную“ конфедерацию племен дулу и нушеби. Среди них были племена (в транскрипции китайских хронистов эпохи Суй и Тан) в форме Чуюе 處月, Чуми 處蜜, 處半 Чубань.[1] Несомненно, что все эти этнонимы связаны с топонимикой, а как следует из тех же китайских источников, все эти племена жили в непосредственной близости от Чуйской долины. Все это позволяет нам первый термин читать „Čui“ как **этногеографический** термин, связанный с Чуйской долиной.

Термин süčig известен по уйгурским юридическим документам в значении „сладкое вино“ и приведен С. Маловым (в форме сӳчӳк) в его словаре к известным переводам В. Радлова „Уйгурских языковых памятников“.[2]

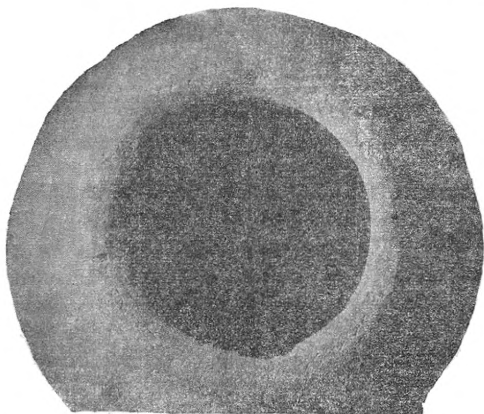

Рис. 1. Хум IX—XI вв. из Сарыга. Уйгурская надпись на венчике.

Из чагатайского языка известно и слово „suγur“, в значении „ведра“, „вместилища для жидкостей“.[3]

Приведенный в надписи термин „batmon“ мы переводим в значении меры тяжести, как известно весьма вариирующей в разное время и в разных территориях. Однако мера батмана в 4—5 пудов вполне соответствует объему нашего сосуда. Характерен здесь иранизированный характер этого слова.

С разными толкованиями связано последнее слово из двух букв, в котором мы остановились на чтении „χu“. Дело в том, что буква „χ“ может читаться как „s“, т. е. „su“ и как „š“ (диакритические точки, как правило, часто отсутствуют), что дает слово „šu“ — в обоих случаях слово „вода“. Однако чтение последнего слова как „su“, „šu“ — „вода“ несколько спорно.

[1] **Тан-шу**, гл. 140б, л. 11б.

[2] W. **Radloff**. Uigu ische Sprachdenkmäler, Leningrad, 1928, стр. 293.

[3] В. **Радлов**. Опыт словаря тюркских наречий, вып. 21, стлб. 758.

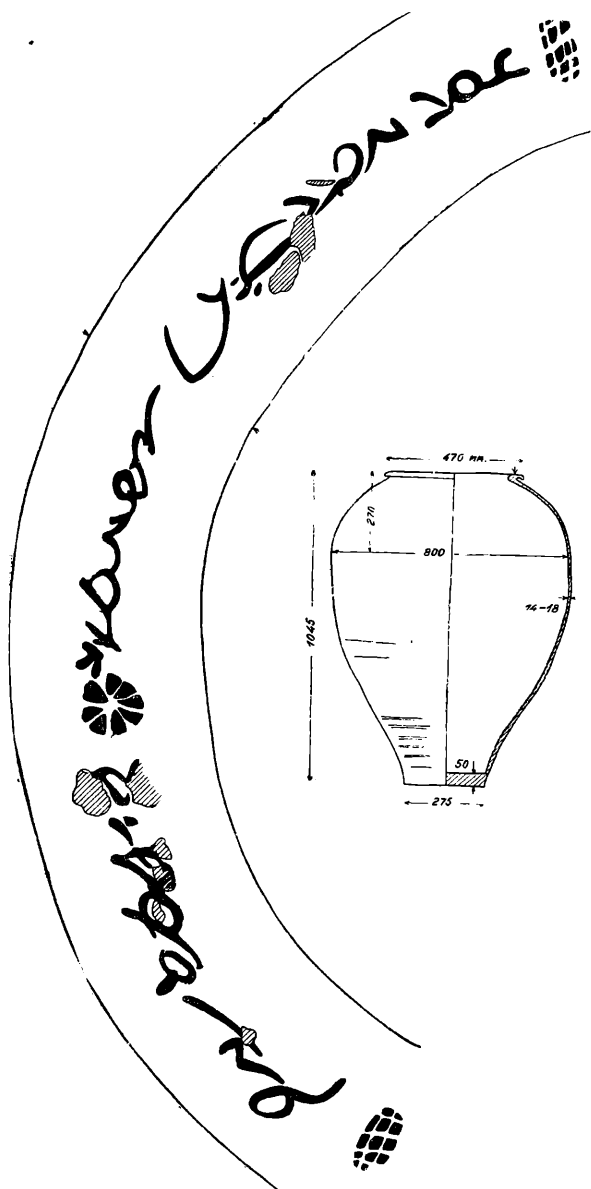

Рис. 2. Хум IX—XI вв. из Сарыга. Уйгурская надпись и профиль хума.

Для времени IX—XI вв., к которому относятся наши надписи, более употребительна форма „ˤub“[1] или „suv“.[2]

По нашему мнению, уже была известна в западных районах тюркского каганата (Семиречье) и форма „su“. Укажем, что в имени „Суяб“ уже наличествует форма „су“ — „вода“. Если нам возразят, что быть может китайская транскрипция не надежная опора, то можно указать, что у авторов IX века (Ибн Хордадбех, Кудама) такая же транскрипция топонимического имени „Суяб“.[3] Вряд ли можно полагать, что переписчик рукописи XIV в. (в которой дошел до нас труд Ибн Хордадбеха) мог исправить написание имени „Суяб“ в соответствии с произношением его времени. Для этого нужно признать, что переписчик был сведущ в тюркской лексике и сам этимологизировал название, что весьма трудно допустить, да и рукопись Ибн Хордадбеха, вероятно, возникла раньше XIV в., как это предполагали и M. Barbier de Meynard и De Goeje.[4]

Исходя из сказанного, возможно допустить и для этого времени чтение „su“, хотя словарь Махмуда Кашгарского, как мы указали выше, дает форму „suv“.

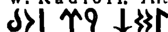
Менее спорна форма „šu“, хотя и более редка.

Мы предпочли взять совершенно иную конъектуру, подсказанную С. Маловым, как транскрипцию китайской меры веса „ху“. Действительно китайское ху 斛, равное 10 доу (斗 доу — один гарнец), составляет $4^1/_2$ — 5 пудов, т. е. целиком и полностью соответствует батману, показанному в надписи, и в свою очередь соответствующему объему хума. Учитывая широкое распространение китайцев среди местного населения, особенно в качестве земледельцев и торговцев, такая двуязычность в надписи на сосуде вполне закономерна. Исходя из этих соображений, мы и переводим надпись следующим образом:

'[Для] Чуйского сладкого вина сосуд. [Вместимость] батман [или] ху [веса]'.[5]

---

[1] Форма, представленная орхонскими текстами. См., напр., памятник Тоньюкуку; W. Radloff. Alttürkischen Inschriften der Mongolei, Zweite Folge, стр. 19 „Yduq jär sub“.

[2] C. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz, Leipzig, 1928, стр. 186.

[3] BGA, VI стр. 158.

[4] См. Journal Asiatique, 1862 г., вып. II, и за 1865 г., а также BGA, VI, стр. XVII „Mais à mon avis le manuscrit est beaucoup plus ancien“.

[5] Судя по нашей рукописной копии надписи на венчике хума, хранящегося в Кабинете археологии Среднеазиатского Государственого университета, текст ее идентичен вышеразобранной. Характерно, что ширина плоскости венчика, на которой нанесена надпись, также 6 см, восстанавливаемый диаметр горловины — 47 см. Очевидно, хум такого же объема, как и тот, на котором мы прочитали надпись. Надпись нанесена на венчик сверх орнаментального прямоугольного клейма и в свою очередь передавлена в одном месте круглым клеймом. В характере курсива мы особых отклонений не наблюдаем. Ташкентский фрагмент был найден проф. М. Е. Массоном также на городище древнего Сарыга. Таким образом, можно полагать, что разобранная надпись из пяти слов была принята как своеобразный метрический трафарет на сосудах-хранилищах.

С. Е. МАЛОВ

БУЛГАРСКИЕ И ТАТАРСКИЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Булгарских и татарских намогильных надписей опубликовано уже немалое количество, но, к сожалению, большинство эпитафий издано без снимков, и, как постепенно выясняется при сличении опубликованных (напр., проф. И. Н. Березиным и Г. Ахмаровым) чтений с самими памятниками, эпитафии эти прочитаны были далеко не безошибочно.

Имея у себя несколько фотографических и иных снимков с булгарских и татарских намогильных камней, предлагаю их здесь вниманию читателей.

Две причины делают эту статью не такой, как бы я желал. Первая — утрата нескольких булгарских эпитафий, скопированных мною еще в студенческие годы на кладбище в сел. Сарсасы, б. Чистопольского уезда. Старинное булгарское кладбище при сел. Сарсасы до сих пор остается не отмеченным в археологической литературе. Вторая — я не мог, будучи в 1929 г. специально командирован для этого в Москву от Туркологического кабинета АН СССР, получить за нерозысканием в б. Архиве Министерства иностранных дел Московский список сборника булгарских надписей времени Петра I.[1]

I

ПАМЯТНИКИ СЕЛА МАТВЕЕВКИ

В начале июля 1907 г. я, будучи студентом факультета восточных языков СПб. университета, предпринял на средства своего отца — Е. А. Малова — экскурсию (вместе с проф. А. Н. Боголюбовым) в с. Матвеевку, б. Спасского уезда, для осмотра находящихся там болгарских намогильных камней. Мне удалось осмотреть и посильно прочитать там две эпитафии. Оба памятника находились тогда в ограде сельской церкви. До меня здесь был Г. Ахмаров, который скопировал только одну надпись, опубликованную в 1902 г. Н. И. Ашмариным в соч. „Болгары и чуваши".[2] С этого памятника фотографический снимок сделан был для меня Т. Ф. Колокольниковой.

Мое чтение и перевод эпитафии сильно разнятся от таковых Г. Ахмарова,

---

[1] С. И. Порфирьев. К истории сборника болгарских надписей. Изв. Общ. арх. ист. и этногр., XXXI, вып. 4, Казань, 1922, стр. 41—44.

[2] Изв. Общ. арх., ист. и этногр., XVIII, вып. 1—3, Казань, 1902, стр. 93—94.

Рис. 1. Булгарская эпитафия 737/1337 г.

а потому я считаю нелишним привести прежде перевод этого памятника Г. Ахмарова. Он читает: „Он живой бессмертный... Посетитель двух святых городов (Мекки и Медины) Махмуд, сын Хусейна, Булгари; да сделает Бог душу его святой и просветит его могилу. Боже, окажи ему милость свою, милость широкую. Отдал он свою душу милостивой воле Бога всевышнего в начале месяца рамазана 737 г.“ (в 1337 г. н. э.).

По моему же чтению оказывается, что памятник (рис. 1) поставлен не над мужчиной Махмудом Булгарским, посетившим Мекку и Медину, а над женщиной Хаджи-Эльчи (Эльхей?).

Текст:

هو الحى الذى لا يموت و كل حى سيموت [1]

1. هذه روضه الصالحه

2. الصّائمه الصّائنه المخدّره المطهره

3. حاجى الحى بنت الاجل الاخص محمود

4. بن حسين البلغارى اللهم ارحمها

5. رحمه واسعه توفيت الى رحمه الله

6. تعالى فى غرة شهر رمضان سنه سبع و ثلثين

7. وسبعمايه

'Он один живой, который не умирает, тогда как все живущее умрет.

1. Это — место успокоения (сад) благочестивой,
2. соблюдавшей посты, бережливой, скромной, совершавшей омовения
3. Хаджи-Эльчи (Эльхей?), дочери именитого и вельможного Махмуда —
4. бен-Хусейна Булгарского. Боже, помилуй ее
5. милостью обширною. Она предалась в милость Бога

6—7. всевышнего в новолуние месяца рамазана семьсот тридцать седьмого года'.[2]

Эпитафия вырезана искусным мастером выпуклыми буквами на арабском языке. Значки чтения (огласовка) проставлены не везде. Персидский почерк — довольно простая, разборчивая вязь. По обычаю того времени, если позволяло место, под буквой ر (*р*) ставилась точка (ڕ), а под *с* (ڛ) три точки внизу буквы. Покойница носила имя Хаджи Эльчи (Эльхей); слово Ильчи входит еще в состав имени и других булгарских женщин, напр. Сабар-Ильчи; памятник ее (конца XIII в.) находится в вестибюле Университетской библиотеки г. Казани.[3] Еще: Фатима-Ильчи — памятник ее в фундаменте церкви с. Болгар.[4] Слово *ильчи* встречается еще на памятнике № 31 в фунда-

[1] Этот текст помещен в треугольнике вверху памятника.

[2] Т. е. 2—3 апреля 1337 г. н. э. При переводе мусульманских дат на христианские я пользовался: Ed. Mahler. Wüstenfeld-Mahlersche Vergleichungs-Tabellen, Leipzig, 1926. — Н. Ф. Катанов. Восточная хронология. Изв. Сев.-вост. археол. и этногр. инст. в г. Казани, I, Казань, 1920.

[3] Н. Ф. Катанов. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии. Изв. Общ. арх., ист. и этногр., т. XXI.

[4] Издание этой эпитафии см.: Казанский музейный вестник, 1921, № 1, Казань.

менте той же церкви.[1] К выяснению этого слова могу еще сообщить, что оно значит: правитель народа, посол, вестник, министр, шаман; но, может быть, скорее к этому женскому имени имеют отношения слова: *älti* — жена брата мужа (турецк.) или *lti* (чагат.) — жена.[2] Проф. Н. Ф. Катанов слово الچى или ايلچى в последнее время стал читать не „ильчи“, как раньше, а „эльхей“; возможно и такое чтение.[3]

Второй памятник с. Матвеевки совершенно другого по письму характера. Буквы на нем, придерживаясь уже принятой другими по отношению к этим эпитафиям терминологии, носят „куфический“ характер. В большинстве случаев надписи булгарских камней „куфического“ письма писаны, наряду с арабскими, принятыми на надгробиях фразами и на местном булгарском языке.

Почти все подобные эпитафии с вырезанными вглубь, невыпуклыми буквами делались не искусными мастерами местного происхождения и ставились над прахом не так именитых и богатых людей; эти мастера-туземцы и употребляли в надписях свой родной булгарский язык, близкий из всех тюркских языков к современному нам чувашскому языку. Памятники же, сделанные с большим художественным вкусом, ставились, разумеется, над умершими из высших классов, над людьми именитыми, образованными и богатыми. Характер письма памятников этого рода не „куфический“, а род вязи „сулюси“, буквы выпуклые, язык — или целиком арабский, или же смешанный с литературным тюркским среднеазиатским языком.

Текст памятника:

1. . . . . و
2. . . . . ممل اول
3. . . . . رحمه الله رحمه واسعه
4. . . . . حلر كيبر حلكر
5. گ خو در و ستر سر
6. الحكم و و مل موت
7. لله . . . . ا . . . . ا

Памятник этот лежал в железной ограде и служил фундаментом для христианского памятника над прахом местного помещика. Могила эта находилась несколько влево перед алтарем сельской церкви. Для прочтения надписи пришлось немного приподнять и сдвинуть с мусульманского памятника христианский памятник.[4]

Не располагая тогда временем и не желая задерживать и утомлять лиц, сдвинувших с булгарского камня позднейший памятник, я не успел и не мог прочитать и записать всю эпитафию целиком. У меня имеются из нее только отдельные буквы и слова. Опубликование эпитафии считаю поэтому преждевременным; оно носит только характер регистрации.

---

[1] И. Н. Березин. Булгар на Волге. Казань, стр. 59.

[2] Словарь В. В. Радлова, II, стлб. 826—830, 1494.

[3] Казанский музейный вестник, 1921, № 1.

[4] При этом мне окавали свое содействие В. А. Колокольников и Г. Борисов.

В свое время было обычным явлением укладывать булгарские старинные надгробия в фундаменты церквей, домов и проч. Общеизвестно, что много эпитафий находится в фундаменте и полу церкви села Болгары-Успенское.

Мулла Ш. Марджани в своем сочинении (на татарском яз.) „Книга полезных сведений о состоянии Казани и Булгар“ (Казань, ч. I, 1886, стр. 28) пишет, что, по преданию жителей деревни Атрясы (Тетюшского уезда), в давнее время в этом селении было много древних булгарских намогильных камней, а 70 лет назад (книга издана в 1886 г.) помещик русского села Ямбухтино (Янбахты), в 5 верстах от с. Атрясы, строя у себя деревянную церковь, воспользовался готовыми гранеными булгарскими камнями-памятниками и увез из Атряс 20—30 камней под фундамент, пол и порог своей церкви. На стр. 29-й тот же Ш. Марджани, описывая два старых надгробия загородного архиерейского дома за озером Кабаном, сообщает со слов одного благонадежного казанца, что „раньше булгарских камней здесь было много. Рабочие при построении здесь зданий употребляли те камни под фундамент. Бывший в то время епископ, впоследствии митрополит Григорий запретил это, и несколько памятников — камней, благодаря ему, сохранилось до настоящего времени“. Из более раннего времени об этих памятниках можно сообщить, что, посетив древнюю столицу булгарского царства на Волге, с. Болгары, и обратив внимание на сохранившиеся здания, построенные „из плиты очень хорошей“ и пользовавшиеся у татар „великим почтением“, Екатерина II написала Н. И. Панину: „сему один гонитель казанский архиерей Лука, при покойной императрице Елисавете Петровне, позавидовал и много разломал, а из иных построил церковь, погреба и под монастырь занял, хотя Петра I указ есть, чтобы не вредить и не ломать сию древность“. Это „свидетельство“ Екатерины принимается, пишет церковный историк К. В. Харлампович, bona fide историками, между тем монастырская церковь в Болгарах, в которую вошли древние плиты с надписями, устроена митрополитом Тихоном с ведома императора Петра, если не по его повелению.[1]

II

ПАМЯТНИКИ ПО ЗАПИСЯМ МУЛЛЫ Ш. МАРДЖАНИ

Я уже писал в своей рецензии[2] на статью Н. Ф. Катанова „Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках, Казань, 1920“, что сведения муллы Марджани о булгарско-татарских эпитафиях были как-то забыты и не учтены проф. Н. И. Ашмариным[3] и Г. Ахмаровым.

---

[1] Проф. К. В. Харлампович. Рец. на: Б. В. Титлинов. Гавриил Петров, митрополит... Пгр., 1916; см. „Журнал Мин. нар. просв.“, новая серия, LXIX, 1917, № 6, отд. 2, стр. 310.

[2] Изв. Сев.-вост. археол. и этногр. инст., т. II, Казань, 1921.

[3] Болгары и чуваши. Изв. Общ. арх., ист. и этногр., XVIII.

Приведу здесь несколько забытых теперь записей из сочинения Шигабу-д-дина Марджани.

1) Байтеряковский камень (стр. 28).

В чувашском селении Байтеряково (بای تیرك), на юг от церкви, был камень длиной пять четвертей с надписью:

الحکم لله العلی الکبیر یونس اول حاجی بلوی‌کا رحمة الله علیه رحمة واسعة

وفات بلکوی تاریخ جیات جور جیریم جتی جال سورآیغ جیرم بش کوان آتِ *

'Суд принадлежит Богу высокому и великому! Памятник Хачи, сына Юнуса. Да будет над ним милость Бога милостью обширною. Дата смерти: в семьсот двадцать седьмом году. Месяц Сур, двадцать пятого дня'.

Памятник, таким образом, поставлен в 1326—1327 г. н. э. Марджани предполагает, что вместо بلکوی следует читать بلطوی, приблизительно в смысле „был". Сравнительно близкие к этому рассуждения об этом слове по другим памятникам у проф. Н. И. Ашмарина.[1] Название месяца سور Ш. Марджани предполагает считать за ثور (перс.: апрель).

2) Камень на берегу озера Кабана, у архиерейской дачи в Казани (стр. 29).

Памятник поставлен на могиле Ахмеда. Далее Марджани продолжает:

تاریخ وفاتی آلطی طوش دان آلطش جال
ات ذالحجه ایغ سکر کوان ایرنه کوان ات
الموت باب وکل الناس داخله

'Год смерти: шестьсот (?) шестидесятый, в месяц зульхидже, в восьмой день, в день пятницы. Смерть есть дверь и все люди войдут в нее'.

Если дата здесь правильно прочитана, то эпитафия эта очень старая, а именно 1262 г. н. э.[2]

Чтение муллой Марджани некоторых памятников использовано, напр., Али-Рахимом.[3]

III

ТАТАРСКИЙ ПАМЯТНИК ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧУВАШСКОГО МУЗЕЯ

Шесть снимков с двух памятников получены мною через акад. В. В. Бартольда от проф. В. Ф. Смолина. На обороте снимков надпись: „в Центральный Чувашский музей привезен из с. Старые Шигали Ковал. волости Цивильского уезда, 1925, АЧССР".

Издаю здесь один памятник 1550 г.

---

[1] Болгары и чуваши, стр. 97—99.

[2] Ср.: Н. И. Ашмарин. Об одном мусульманском могильном камне в загородном архиерейском доме в Казани. Изв. Общ. арх., ист. и этногр., XXI, вып. 1, Казань, 1905, стр. 92—112.

[3] Татарские эпиграфические памятники XVI в. Тр. Общ. изуч. Татарстана, Казань, 1930, стр. 157.

Рис. 2. Татарский памятник Центрального Чувашского музея 957/1550 г., лицевая сторона.

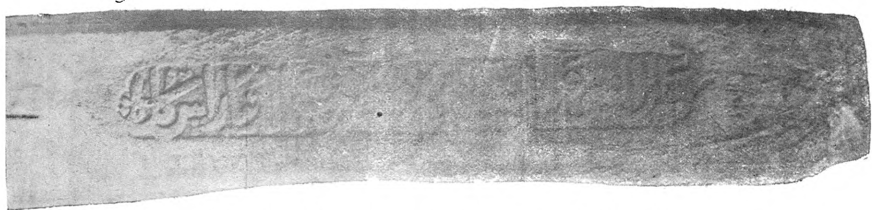

Рис. 3. Татарский памятник Центрального Чувашского музея 957/1550 г., правая сторона.

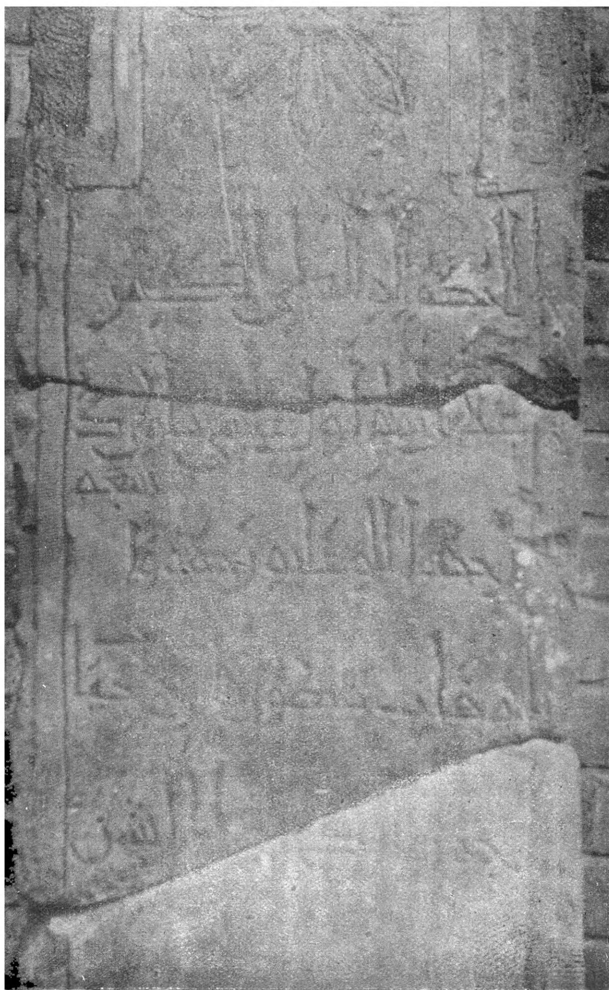

Рис. 4. Тетюшский памятник 719/1319—1320 г.

Главный текст памятника (рис. 2):

1. قال الله تعالى وما تدرى
2. نفس باى ارض تموت و قال سبحانه
3. و تعالى كل نفس ذايقه الموت
4. تاريخ توقوز يوز ايليك يتى دا
5. حاج اوغلى كانيس فبغولش (?)
6. شهيد بولدى

'(1) Сказал Бог всевышний: и не знает (2) душа, в какой земле умрет. Сказал (Господь) всехвальный (3) и всевышний: всякая душа вкушает смерть. (4) Дата: в девять сот пятьдесят седьмом (году) (5) сын Хача Каниш Фабгулуш (?) (6) мучеником сделался (т. е. умер)'.

Правая сторона памятника (рис. 3):

قال النبى عليه السلام
حب الدنيا راس كل خطيئة

'Сказал пророк, мир ему:

Любовь к благам мира есть начало греховности'.

Левая сторона памятника:[1]

قال النبى عليه السلام
الدنيا ساعة فاجعلها طاعة

'Сказал пророк, — мир ему:

Сей мир (как бы некий) час, так (успей же) совершить в нем послушание (Богу)'.

Памятник, таким образом, поставлен в 1550 г. н. э.. По своим кораническим выражениям („и не знает душа..." Коран, XXXI, 34; „всякая душа вкушает смерть..." Коран, III, 182) и по бордюру вокруг главной надписи этот памятник несколько схож со вторым Тябердинским памятником 1550 г., опубликованным (со снимком) в „Инородческом обозрении"[2] в статье Г. А. Филиппова и Н. Ф. Катанова. „О двух татарских памятниках, находящихся близ с. Старого Тябердина Цивильского уезда, и одном армянском, — в с. Кирельском Тетюшского уезда".

IV

ТЕТЮШСКИЙ ПАМЯТНИК

Текст эпитафии Тетюшского камня издавался несколько раз, но каждый раз без воспроизведения снимка с памятника.

Например, текст с большими неточностями и фантастическими изменениями имеется в „Указателе г. Казани и достопримечательностей с кратким

[1] Фотография вышла не так ясно и здесь не воспроизводится.

[2] Кн. 6-я, приложение к журналу „Православный собеседник" за март 1914 г., Казань, 1914, стр. 462—467.

очерком древностей Казанской губ."[1] Об этом же камне говорится в статье Н. Ф. Катанова „Новые приобретения Музея Общ. археол., ист. и этногр. в 1895 г." Здесь сообщается, что памятник распался на две части и находится при Тетюшском полицейском управлении. По чтению Н. Ф. Катанова, камень поставлен в 710/1311 г. Сообщается, что камень найден в 1882 г. на земле над могилой Исы, сына Али-уллы, близ тетюшского Троицкого собора.[2]

При мне, в 1905 г., памятник состоял уже из трех частей, но еще в 1902 г. он состоял из двух частей.[3] Мой перевод от перевода проф. Н. Ф. Катанова отличается своей датой, и от перевода Н. И. Ашмарина чтением лица. При осмотре памятника мне помогали Е. В. и С. В. Казанские и А. М. Алаторцев.

Текст памятника (рис 4):

1. الحكم لِلّٰهِ العلى الكبير
2. — غلاى اماة اول عيسى دلوكى
3. رحمه الله عليه رحمه واسعه
4. وفات دلطوى تاريخ جيات
5. جور وان طحر جال اشز

'(1) Суд принадлежит Богу высокому и великому. (2) Памятник Исы (Иисуса), сына Галай Амата. (3) Милость Бога над ним милостью обширною. (4) Кончина последовала по летосчислению в семьсот девятнадцатом году...'

Таким образом, памятник поставлен в 1319—1320 г. Памятник в моем чтении дает два чувашских имени; он показывает, что у мусульманина — сына (по имени Иса — Иисус) был отец — шаманист по имени Алай-Амат. Ср. имя Амат-ходжа на памятнике у И. Н. Березина[4] и Калай, Колай, Емет, Имет, Емит, Амет и другие чувашские имена.

Как видим, все эти памятники, давая богатый и редкий материал по языку булгар (древних чуваш) и татар, дают вместе с тем и большие данные для исторической этнографии этих племен Камско-Волжского Края.

Материалы по библиографии булгаро-татарских эпитафий

Абдрахимов и Губайдуллин. История татарской литературы [на татарском яз.], т. II.

Али Рахим. Болгаро-татарские эпиграфические памятники в Вятском крае. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, IV, Казань, 1930, стр. 49—57.

Али Рахим. О двух татарских надгробных памятниках XVII в. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, т. III, Казань, 1929, стр. 14–21.

Н. И. Ашмарин. Болгарские надписи, найденные около с. Тукмакла. Известия Общ. обследования и изучения Азербайджана, № 5, Баку, 1928, стр. 16—22.

---

[1] Изд. 2-е А. С. Дубровина. Казань, 1870 г., стр. 46.

[2] Известия Общ. арх., ист. и этногр., XIII, стр. 235.

[3] Ср.: Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваши, стр. 92—93.

[4] Булгар на Волге, Казань, 1853, стр. 35 и из соч. В. К. Магницкого „Чувашские языческие имена", Казань, 1905 г.; см. Изв. Общ. арх., ист. и этногр., т. XXI.

И. Н. Бороздин. Два татарских надгробия близ городища „Иски Казань". Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, т. IV, Казань, 1930, стр. 58 и сл.

В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарскою надписью в Башкирии. Записки Имп. Археологического общества, т. XIII, 1859, стр. 257—284.

Н. И. Воробьев. О болгаро-татарских надгробных камнях Мамадышского кантона ТАССР. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, т. III, Казань, 1929, стр. 11—13.

Г. Газиз (Губайдуллин). Боронгы Болгарлар [на татарском яз.]. Казань, 1924.

Гайну-д-дин Ахмаров. Булгар тарихи [История булгар, на татарском яз.]. Казань, 1909.
На стр. 120—128 приведено несколько булгарских эпитафий.

Известия Общ. арх., ист. и этногр., т. XXVII, вып. 5. Протоколы, Отчет за 1910 г., стр. 17.
Здесь две булгарских эпитафии.

И. А. Износков. Список населенных мест Казанской губ. Лаишевского у., Казань, 1893.
Здесь указываются места со старыми кладбищами и с могильными камнями с надписями (напр., в дер. Кабаны у деревни Агабайши; или: Агач-баши, в Епанчино и др.).

И. Износков. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии. Изв. Общ. арх., ист. и этногр., т. XI, вып. 3, Казань, 1893.
Памятник 690 г. хиджры, перевод сделан И. Ф. Готвальдом.

История Татарии в документах и материалах. М., 1937, стр. 14, 26.

Н. Ф. Катанов. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии. Известия Общ. археол., ист. и этногр., т. XXI, вып. 3, Казань, 1905.

Н. Ф. Катанов. Эпиграфический памятник Волжской Булгарии. Казанский Музейный вестник, № 1—2, 1921, стр. 54—56.
Рец.: С. Е. Малов. Казанский библиофил. Казань, 1921, № 2, стр. 87—88.

Н. Ф. Катанов. Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань, 1920.
Рец.: С. Е. Малов. Изв. Сев.-вост. археол. и этногр. инст. в г. Казани, т. II, 1921, стр. 129—133.

Klaproth. Notice et explication des inscriptions turques et arabes de Bolghari. Nouveau Journal asiatique, VIII.
Ср.: Заволжский Муравей, 1832, III.

П. А—. Музей в селе Акшуате Симбирской губ. Исторический вестник, 1908, сентябрь, стр. 982—986.
На стр. 984 упоминается надгробная плита с татарской надписью из Муранского могильника (Сенгилеевского у.)

П. А. Пономарев. На татарских святынях в Иски-Казани. (Из поездки летом 1904 г). Казанский телеграф, Казань.
Второй лист с иллюстрациями от 17 октября 1904 г. Есть сведения о древних могильных камнях на „мазарках" моллы Хазея".

В. А. Правтолупав. Сыру историйе [История письма, на чувашск. яз.]. Шупашкар, 1927, стр. 79—81.
Есть два снимка с булгарских камней из ранее опубликованных.

В. Ф. Смолин. По развалинам древнего Булгара. Казань, 1926. стр. 68—69.
Эпитафии по соч. проф. Н. Ф. Катанова.

Э. П. Турнерелли. Развалины Болгар и древние Болгары. (С англ. перевел И. А. Ардашев.), Казань, 1901.
Стр. 21—23: приводится несколько эпитафий.

К. Ф. Фукс. История города Казани. Казань, 1899.
Стр. 23: арабская надпись на камне в татарской мечети около Кабана. (Ср. след.)

К. Ф. Фукс. Краткая история города Казани. Казань, 1905.
Стр. 42—43: Эпитафия 1529 г. (Ср. предшествующую работу.)

А. Яблоков. Село Болгары или Успенское. Известия по Казанской епархии за 1905 г. (Отд. отт., Казань, 1905).
Стр. 33: общие сведения о булгарских намогильных камнях.

К. К. ЮДАХИН

БОУЗ ИЛИ БУ УЗ?

В первом издании надписи на глиняном кувшине из Сарайчика выделено первое слово второй строки первого двустишия بواوز, и снабжено вопросом в скобках.[1]

Привожу это двустишие в оригинальной орфографии и в транскрипции:

کیشی کورکی یوز اول بو یوز کورکی کوز
بواوز (?) کورکی تیل اول بو تیل کورکی سوز
кiшi кöркi jÿз ол, бу jÿз кöркi кёз;
боуз (?) кöркi тil ол, бу тil кöркi сöз.

Перевод:

'Красота человека — это лицо, красота этого лица — глаз;
Красота глотки (?) это — язык, красота языка — слово'.

„Слово *бауз* (если только чтение верно), — говорится в издании — изображено необычно (ожидалось бы بوغوز) и приведено — надо полагать — в живом произношении...“

Таким образом, дважды берется под сомнение чтение (а следовательно, и перевод): 1) вопросительным знаком и 2) оговоркой („если только чтение верно“).

Вообще говоря, зная судьбу ҕ в тюркских языках, мы могли бы с известными оговорками и натяжками принять данные чтение и перевод. Однако мы наталкиваемся на два препятствия. Во-первых, форма *боуз* (вместо боҕуз) нам не встречается ни в письменных памятниках, ни в каком-нибудь живом разговорном тюркском языке.

Теоретически основа *боуз* (точное *боwуз*) из *боҕуз*, т. е. с переходом ҕ → w вполне допустима (ср. казахское *бауз-да* и киргизское *мууз-да* 'перерезать горло'), но практически, как уже сказано, она не зарегистрирована. Во-вторых (и это самое главное), едва ли можно найти в каком-либо из тюркских языков такой пример, когда бы глотка выступала в качестве органа, содействующего

[1] ЗВО, XXI, вып. 1. Среднеазиатско-турецкие надписи на глиняном кувшине из Сарайчика.

красноречию. В этой роли обычно выступают три части речевого аппарата: язык, нёбо и язычок. Примеры:

Балдыратып сӱjlӧтӱп,
Таңдаjды алдың ķарылыķ.[1]
'Ты, старость, взяла (у меня) нёбо,
Заставив (тем самым меня) бормотать (говорить) невнятно'.

Батырлар — маңдаjлашып,
чечендер — таңдаjлашып.
'Богатыри (сталкиваются, сходятся) лбами, а ораторы — нёбом'.[2]

Ашыķпастан, шашпастан
Аjтып ӧткӱн кӧмӧкӧj.
'Не торопясь (и) не спеша,
Расскажи (мой) язычок'.[3]

Кошомат емес, чынжерден
Кошуп ӧткӱн, кӧмӧкӧj.
'Не льстиво, (а) правдиво
Воспой (мой) язычок'.[4]

ӧнӧр алды — ķызыл тil.
Высшее искусство — красный язык (т. е. уменье красно, хорошо говорить)'.[5]

Этот последний пример является наиболее важным, ибо он, как мне кажется, устанавливает правильное чтение рассматриваемого двустишия. Иранское هنر (в киргизском произношении — *ӧнӧр*) — в тюркских языках (в том числе и в киргизском) явление позднее. В том же значении широко (от Якутии до Турции) употребляется слово *уэ*||*ус*. Уходит оно и в древность, по крайней мере, до XI в.[6]

Вот это *уэ*, мне кажется, без всякой натяжки можно видеть во второй части сомнительного слова *боуэ*, а первую его часть рассматривать как

---

[1] Тоголок Молдо, Избр. сочинения, Фрунзе, 1944, стр. 62 (ради единообразия все примеры даны русским академическим алфавитом, которым пользовался В. В. Радлов).

[2] Киргизская поговорка, в соответствующем фонетическом оформлении имеется и у казахов.

[3] Тоголок Молдо, Избр. сочинения, Фрунзе, 1944, стр. 141.

[4] Там же.

[5] Киргизская поговорка. Есть она и у казахов.

[6] Значение слова *уэ*||*ус* и примеры к нему см.: Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, I, стр. 1741 и 1754. — Махмуд Кашгарский (стамбульское изд., 1916, I, 48,$_3$ и турецкий перевод I, 46,$_{12}$ (Brockelmann ошибочно поместил под *öz*). — Пекарский. Словарь якутского языка, вып. XI, 1928, стр. 3074—3075. — Юдахин. Киргизско-русский словарь, 1940, стр. 545.

указательное местоимение *бу*. Тогда чтение всей строки предстанет в следующем виде:

бу уз кӧркі тіl ол, бу тіl кӧркі сӧз.
'Красота искусника (или: искусства, мастерства) — язык,
А красота языка — слово'.

Такое чтение и понимание очень хорошо согласуется с приведенным двустишием из Кутадгу Билиг:

уkуш кӧркі тыл ол, бу тыл кӧркі сӧз,
кіші кӧркі jӱз ол, бу jӱз кӧркі кӧз.

Т. е. вместо *уkуш* 'ум, разум' этого двустишия в надписи на кувшине стоит *уз* 'уменье, мастерство'.

Думаю, что при предложенном мною чтении и переводе можно говорить не о „сходстве“ только, а о несомненном тождестве этих двустиший.

Можно, конечно, بو اوز читать и как *бу ӧз* 'эта самость', т. е. 'это существо'. Тогда вторую строку следовало бы перевести так: „Красота (всего человеческого) существа — это язык, а красота языка — слово“. Но такое понимание меня меньше удовлетворяет, чем *бу уз*.[1]

---

[1] Ср. перевод С. Малова: Из третьей рукописи Кутадгу билиг, Известия Академии Наук СССР, Отд. гуманитарных наук, 1929. стр. 744.

ХРОНИКА

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО СЕМИТИЧЕСКОЙ ЭПИГРАФИКЕ

В 1938 и 1939 гг. Американская школа исследования Востока в Иерусалиме (American School of Oriental Research) провела две археологические кампании в Заиорданье. За ними последовала третья кампания при участии Института Смитсона. Близ побережья Красного моря, на расстоянии полукилометра от северной части залива Акаба, были вскрыты последовательно культурные слои укрепленного города, руины которого в настоящее время носят название Телль Хелейфа. Со времени основания в X в. до н. э. в городе поддерживалась хорошо оборудованная металлургическая промышленность.

На уровне поселения третьего периода городской жизни в Телль Хелейфа обнаружены остатки большого глиняного кувшина, на двух фрагментах которого врезаны знаки древнеарабского минейского шрифта. Как указывает Nelson Glueck, подводя итог сделанным открытиям в работе „The Other Side of the Jordan“ (New Haven, 1945), знаки минейского письма на кувшине подтверждают сведения Плиния о торговых операциях минейцев, и, может быть, в подобных сосудах Савская царица везла часть своих даров царю Иудеи Соломону.

В течение второй кампании в том же слое Телль Хелейфа найден другой кувшин с древнеарабской надписью. Обе находки представляют первые образцы древнеарабской письменности, извлеченные из научно организованных раскопок и имеют уникальное значение. Сопоставление картины культурной жизни города с отрывком из Библии, в 1-й Книге Царств, привело исследователей к заключению, что Телль Хелейфа можно отожествить с приморским городом Эсион Гебер, который был выстроен Соломоном (ум. в 975 г. до н. э.). Третий культурный слой датируется одним-двумя веками позже.

Для эпиграфистов-семитологов не меньший интерес представляют отпечатки штемпелей на ручках кувшинов с эдомскими и финикийско-еврейскими письменами из Телль Хелейфа и эдомская надпись на тулове небольшого кувшина, возможно с именем владельца.

Вслед за открытиями в Северной Аравии, в 1938 г. в течение впервые организованной археологической кампании в Хадрамауте, с участием Miss Caton Thompson найдена древнеарабская надпись при раскопках храма в Хурейде; храм построен предположительно в IV в. до н. э.

В. К.

В списке разрушенных или поврежденных фашистами памятников архитектуры за время войны 1941—1944 гг. орган Международного бюро музеев „Mouseion“ (Supplément № 101, декабрь 1945 г., стр. 15—16) сообщает об исчезновении большого Корана из Ханской мечети в Бахчисарае.

В. К.

В „Библиографии Востока“ в 1934 г. (вып. 2—4, за 1933, изд. ИВАН, стр. 112—114) был отмечен выход в свет первого тома Хронологического свода арабских надписей, изданного в Каире в 1931 г. В 1944 г. опубликован т. XIII этого фундаментального коллективного труда (Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe). Новый том содержит 399 текстов, датированных с 680 по

705 гг. хиджры, в арабской транскрипции, с французским переводом и библиографией. Первоначально предполагалось охватить в издании надписи до 1250 г. хиджры, по 400 надписей в среднем в каждом из 16 томов. Том XIII заканчивается текстом № 5200. Таким образом, выясняется, что приток свежего материала заставит расширить намеченный объем издания. Том XIV находится в печати. Как и раньше, издание редактируют Этьен Комб, Жан Соваже и Гастон Виет.

В. К.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ЭПИГРАФИКА ВОСТОКА · I

*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *А. А. Воробьева*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректор *Н. А. Малевич*

РИСО АН СССР № 2569. Подписано к печати 14. I 1947 г. М.-00513. Тираж 2000. Печ. л. $3^1/_4$ + 8 вкл. Уч.-изд. л. $5^3/_4$. Зак. № 743.

1-я Типография Издательства Академии Наук СССР
Ленинград, В. О., 9-я линия, д. № 12.